

18+

ТАТЬЯНА ЛЮБИМАЯ

Внезапно ПАПА

Татьяна Любимая

Внезапно Папа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67920023

SelfPub; 2022

Аннотация

Бывшая девушка подбрасывает Михаилу пятилетнего ребенка, а сама исчезает. Как общаться с мальцом и что с ним делать молодой отец не знает. Вдобавок мальчик не разговаривает. Впору опустить руки и сдать мальчика в детский дом или все-таки попробовать оставить? Выход есть – для начала нужно найти няню. Может быть, новая секретарша поможет? Нет, ее подружка очень даже ничего... В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Содержание

Глава 1. Михаил	4
Глава 2. Михаил	18
Глава 3. Настя	31
Глава 4. Настя	46
Глава 5. Настя	60
Глава 6. Настя	74
Глава 7. Михаил	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Татьяна Любимая

Внезапно Папа

Глава 1. Михаил

Настойчивый звонок в дверь бьет по голове острой болью. Стону и с трудом открываю глаза, морщась от яркого солнечного света, преспокойно проникающего сквозь приличную щель в шторах.

– Какого лешего? – едва ворочается язык, по ощущениям напоминающий выжженную пустыню.

Череп просто раскалывается на части. Вчера с мужиками знатно потусили в клубе, вернулся домой уже под утро и сразу завалился спать. А теперь этот гребанный звонок, будь он неладен.

Хотел проигнорировать – позвонят и уйдут, но нет. Не уходят, а так же дербанят мой больной мозг, разрывая его на молекулы.

Постонав и поматерившись в подушку, встаю с кровати, накидываю халат, иду открывать незванным гостям. С практически закрытыми глазами распахиваю дверь.

– Ну? Чего надо?

Фокусирую взгляд на госте. На меня смотрят огромные зеленые глаза довольно-таки симпатичной девушки. Смут-

но знакомое лицо. Когда-то я с этой девчонкой мутил. Оу, сколько лет прошло, сразу и не посчитать.

Как же ее зовут? Ира, Инга? Инна!

Положив голову ей на плечо, на руках у нее спит ребенок. Светловолосый, в джинсовом костюмчике. Мальчик.

В голове мелькнул резкий флешбэк. Точно так же несколько лет назад Инна пришла сюда. Только одна и с единственной фразой "Миша, я беременна". И ушла с нехилой пачкой денег на аборт и уговором забыть о наших отношениях. Мне дети не нужны были. Они до сих пор мне не нужны. Так что, считай, тогда расстались полюбовно и инцидент был исчерпан и благополучно забыт.

– Инна? Тебе чего?

– Здравствуй, Миша, – негромко.

– Приве–ет, – тяну в ответ.

Осматриваем друг друга с головы до ног и обратно. Инна в темно–синем платье в пол, с голыми руками и треугольным вырезом на груди. Черные босоножки. Сумка на цепочке через плечо. Фигурой девчонка немного округлилась, а в целом все такая же стройняшка и симпатяшка. И волосы немного длиннее и светлее, водопадом струятся по спине и плечам.

– Можно войти? – тихо.

– Ну давай, – пропускаю ее вперед, недоумевая каким ветром ее занесло ко мне. Расстались же по обоюдке вроде. Сколько лет пошло? Три, а нет, пять, я тогда только–только

бизнес начинал осваивать.

Инна, осматриваясь по сторонам, уверенно проходит в гостиную, осторожно кладет на диван ребенка. Тот не просыпается, только губами причмокивает и поворачивает голову набок.

– Мы можем поговорить?

– Мхм. Говори, только коротко, я спать хочу, – сложив руки на груди, опираюсь спиной на косяк. – Ну? Я весь во внимании.

– Миш...

Широко распахнутые зеленые глаза девчонки растерянно бегают по периметру гостиной. Пальцы нервно теребят краешки карманов длинного платья.

– Это Матвей, – наклоном головы показывает на спящего ребенка. – Твой сын.

– Ага, – ухмыляюсь. Нашла дурака поверить в эту чушь. – Насколько я помню, я оплатил тебе процедуру прерывания беременности и дал приличную сумму на реабилитацию и счастливую жизнь без меня. Разве нет?

– Матвей – твой сын, – Инна повторяет и обхватывает себя руками, будто замерзла. – Я помню, ты отказался от него... Я не хотела тебе говорить о нем и вообще как-то появляться в твоей жизни... Но... я так больше не могу... Мне он не нужен... А ты... Ты все-таки его отец...

– Э-эй, Инночка, что за бурду ты несешь? Ты вообще себя слышишь? Какой нафиг отец? – ухмылка сползает с мое-

го лица. У меня раскалывается башка, давит сушняк, и я не совсем улавливаю, о чем говорит эта женщина. Но то, что я слышу и почти понимаю, мне ой как не нравится!

Приближаюсь к ней, имея одну цель – встряхнуть как следует и выпроводить за дверь вместе с ее отпрыском, что сопит на моем диване, по-хозяйски раскинув руки в стороны.

– Миша, я жить хочу... – лепечет, отступая. Глаза как у загнанного в ловушку зверька смотрят на меня снизу вверх, – нормальной человеческой жизнью...

– А от меня тебе что надо? – рычу на пониженных тонах. – Денег на твою человеческую жизнь? Алименты? Я тебе что – благотворительный фонд?

Я ору шепотом, но я в бешенстве и едва сдерживаюсь, чтобы не схватить эту белобрысую за тонкую шею и не свернуть ее. Я еще не протрезвел. Я в аффекте и меня оправдают.

– Ничего себе сюрпризец. Или это розыгрыш? Заигралась ты, дорогая, – нависаю над ней, плююсь злостью. – Сколько мужиков ты уже осчастливила сией чудесной новостью? Много денег насобирала на "человеческую жизнь"? Со мной это не пройдет. Забирай этого, – киваю в сторону дивана, – и шуруй отсюда, пока я охрану не вызвал.

– Х-хорошо... – Губы едва шевелятся. В зеленых глазах Инны помимо страха и отчаяния вижу свое разъяренное отражение. – Я сейчас уйду. Можно мне... воды?

Несколько секунд сверлю ее уничтожающим взглядом, а потом разворачиваюсь на пятках, топаю на кухню. Беру ста-

кан, наливаю воду из—под крана, выпиваю. Уф, какой же это кайф, чувствовать, как по стенкам пересохшего горла стекает прохладная живительная влага!

Наливаю второй для Инны.

Дверь хлопает!

Со стаканом воды в руке и чертовски неприятным подзрением почти бегом иду в гостиную. Ребенок спит, Инки нет!

С—с... Идиотка! Как можно оставить собственного ребенка в чужом доме с незнакомым мужиком?

Швыряю стакан на полку, вода расплескивается. Плевать.

Бегу на выход, распахиваю дверь.

— Инка, — ору на весь подъезд, — с ума сошла? Ребенка забери!

В ответ внизу хлопает подъездная дверь.

Зараза!

А из глубины квартиры вдруг раздается детский рев. Ну, приехали.

Возвращаюсь в гостиную. Тот пацан, что мирно сопел несколькими минутами ранее на моем диване, слез с него и сейчас безобразно кривится, оглядывается и громко ревет, стоя посреди незнакомой гостиной. Светлые волосы взлохмачены, по лицу бегут слезы и сопли, руки опущены вниз, кулачки сжаты. А еще, кажется, он штаны промочил. Они у него подозрительно двухцветные.

Я бы тоже обделался, если бы уснул дома, а проснулся неизвестно где.

У меня, конечно, бывает, что я просыпаюсь не у себя дома, а у какой-нибудь цыпочки, но я, как бы, взрослый мужик, это естественно и чаще всего приятно, а пацану, еще недавно от грудного молока отученному, наверное, жуть как страшно попасть в чужую квартиру к незнакомому дядьке.

– Эй, чего орешь? – перекрикиваю пацана, морщась от крика и усилившейся головной боли. – Вернется твоя мать. Сейчас пробежится до угла и вернется.

Я очень на это надеюсь, иначе...

Что делать иначе я не знаю. Для меня дети как инопланетяне – я их не вижу, но знаю, что они есть. Я не против мирно сосуществовать на одной планете, главное, чтобы ОНИ меня не трогали.

А тут вот – один из них стоит передо мной в мокрых штанах, орет. И его мать заявила, что это мой сын? Ага. Щас. Ничего общего.

– Хочешь орать – ори, – машу на него рукой, – может, докричишься до своей кукушки.

Разворачиваюсь и иду на кухню. Ищу в аптечке обезболивающее. Набираю воды в стакан, кидаю таблетку. Сажусь за стол и тупо смотрю на шипение и выпрыгивающие из стакана пузырьки.

Прислушиваюсь, ожидая услышать сквозь детский рев трель дверного звонка.

Таблетка растворилась, а Инка так и не вернулась. Ну, погоди, кукушка, найду, получишь по полной и от меня, и от опеки. Ты хоть понимаешь, что оставила своего ребенка в опасности? А это подсудное дело, дорогуша.

Залпом выпиваю лекарство. Со стоном сжимаю черепную коробку двумя руками что есть силы. Рев раздражает и без того больной мозг, не дает сосредоточиться и придумать что делать. Санька, дружок мой, как-то перед отъездом в отпуск сдавал собаку на две недели в гостиницу для животных, а детей куда сдают? Бабушкам и дедушкам? Увы, нет таких. Тетка разве что.

Приходится идти искать телефон и заранее настраиваться на объяснения с тетей. Сто пудов начнется допрос, откуда взялся ребенок. И дурачком ведь не прикинешься, возраст не тот и положение.

Громко всхлипывающий Матвей переместился с центра гостиной на диван. Точнее, ногами стоит на полу, пузом лежит на диване и трется лицом об обшивку, вытирая слезы и размазывая сопли по ткани. Меня передергивает от брезгливости. Не сяду больше на этот диван!

– Наорался? – равнодушно спрашиваю, проходя мимо. – Номер матери случайно не знаешь?

По нарастающей снова начинается рев. Будто кто-то крутит ручку громкости.

– Понятно.

Где это гребаный телефон? Хоть бы кто позвонил, чтобы

узнать, как я себя чувствую после вчерашнего, а я бы так определил, куда вчера кинул сотовый.

Ну да, жди. Кому ты нужен, Шведов, в это время суток?

Телефон отыскивается в спальне в ворохе скинутой ночью одежды.

Меняю халат на домашние спортивные и футболку. Заваливаюсь на кровать, снизив "громкость" закрытой дверью. Так—то лучше — тише и не так болезненно для мозга.

Первым делом листаю контакты. Чем черт не шутит, вдруг не удалил номер Инны? Но пролистав контакты на несколько раз, понимаю, что все бесполезно. Номера нет.

Пацан затих. Опять, наверное, диван метит.

Звоню тетке.

— Алё? — слышу вечно уставший голос сестры покойной матери.

— Теть Наташ, мне помощь нужна.

— Да? А мне не нужна? — заводится. — Мы вообще—то тут делом занимаемся, людей тебе подбираем...

— Да—да, я знаю, — перебиваю ее, — это очень хорошее дело...

Сам же просил на днях найти мне новую секретаршу. Диана совсем за... замучила, пришлось рассчитать "за несоблюдение служебной этики".

— Теть Наташ, — канючу в трубку. — Мне тут ребенка подкинули...

— А я причем?

– Возьми его себе, а, пока я его мать найду? Я не знаю что с ним делать.

– Знаешь, Миша, – выдержав паузу, медленно проговаривает тетка. – Я устала. Я всю жизнь только и делаю, что помогаю тебе, – выделяет последнее слово.

Да–да, я знаю. С десяти лет меня после смерти мамы опекает ее бездетная и незамужняя сестра. Я ей очень признателен за это, каюсь, проблемный был мальчик и нервы тетушке прилично помотал, но сейчас особый случай!

– Теть Наташ, давай я тебе облегчу отбор. Бери первую попавшуюся, слова против не скажу.

– Ты в своем уме? Ты хоть понимаешь, какой контингент приходит на первый этап отбора?

– Тетушка, любимая, ты же такая добрая, понимающая... А у меня ребенок... пацан...

– Нет я сказала!

– Тетя Наташа, – показательно громко вздыхаю, – у тебя сердца нет?

– А вот этого не надо, – холодно. – Ты уже взрослый мальчик, найди няньку среди своих... многочисленных подружек.

– Так они же одноразовые! – теряю надежду на помощь единственного близкого мне человека.

– Решай свои проблемы сам, Мишенька. Я, если ты помнишь, в отпуск ухожу...

Ну во–от! В отпуске и посидит с Матвеем, – ликую я и тут

же обламываюсь, услышав:

– У меня билеты на завтра в Турцию. Ты же знаешь, я двадцать лет моря не видела.

– Ну и!.. – ору на трубку в руке, представляя на ее месте грузную фигуру "любимой" тетушки. Замахиваюсь, чтобы не швырнуть его в стену напротив...

Только как я без связи? Мне надо еще Инку искать.

– Счастливого пути, – выдавливаю из себя, отшвыривая телефон в сторону.

Откидываюсь на подушку, уставившись в белоснежный потолок. Ну, хоть голове легче.

Кстати, а почему так тихо?

Выхожу из спальни. Пацана на диване нет, рядом тоже. Окидываю взглядом всю гостиную.

– Матвей? Ты где?

Тишина.

– Эй, малой, что за прятки?

Медленно обхожу гостиную по периметру, затем заглядываю в каждую комнату, кухню, ванную. Нет пацана!

Я уже начинаю думать, что Инка с ребенком мне привиделась, и тайно пишу от радости, пообещав себе завязать с поздними гулянками и бухлом, но на всякий случай возвращаюсь в гостиную и подхожу к дивану.

На серо-голубого цвета велюровой обшивке дивана художественно размазаны детские сопли.

Не привиделись.

– Фу! Матвей! – рявкаю на всю квартиру. – Выходи, паршивец! Посмотри что ты наделал!

Рык мой разносится по пустой квартире и теряется где-то под потолком, а ребенка нигде нет.

Психуя, иду на второй круг, проверяя первым делом входную дверь – заперта, и окна – закрыты. Лоджия! Но и туда дверь закрыта. При всем желании не открыть мелкому – тупо не хватает сил и роста.

Пипец!

Третий круг посвящен проверке на наличие ребенка во всяких шкафчиках. О некоторых вещах, спрятанных с глаз, я успел забыть. Увлечшись тупым открыванием и закрыванием дверок, не сразу понимаю, что только что видел испуганные глазенки пацана и, как ни в чем не бывало, закрыл шкафчик, шагнув к следующему.

Вернулся.

– Вот ты где! – с облегчением выдыхаю, обнаружив мальчика, сжавшегося в комок в нижнем ящике горки. Присаживаюсь перед ним на корточки. – Вылезай.

Сидит, не шевелится.

– Матвей, давай, хорош быковать, пойдем поговорим. Я не кусаюсь.

Я даже пытаюсь ему улыбаться. Знаю, получается не очень искренне, но как могу. Основная задача в данный момент – вытащить пацана из шкафа.

– Слушай, я тебя не трону, пойдем на кухню, чай попьем. У меня, наверное, конфеты есть.

Матвей не шевелится. И вообще, как кукла недвижим, только ресницы мокрые порхают.

Силой вытащить? Опять заорет, а у меня только-только голову отпустило.

– Ладно, – лопается у меня терпение, – хочешь сидеть тут, сиди.

Поднимаюсь с корточек. Действительно, я что – нянька ему? Захочет, вылезет. А я чай хочу, любимый, зеленый.

Оставляю дверки его убежища распахнутыми, ухожу на кухню. Ставлю чайник, лезу в холодильник, строгою себе бутерброды из колбасы и сыра. Изредка поглядываю не идет ли сюда малой.

Вот же, свалился на мою голову.

Какая же Инка дура. Могла бы по-хорошему прийти, поговорить, чего сбегать-то сразу? Денег надо – скажи, дам, после теста на отцовство, конечно. Ребенок не нужен? Тоже могли бы договориться. Она ведь даже документы на него не оставила, как я его сдам в детдом? Как объясню появление ребенка у меня дома? Да никто не поверит, что он подкидыш, а если обвинят в краже... Меня, Михаила Шведова, уважаемого человека с практически безупречной репутацией в деловой среде! Клубы не в счет. Клубы – это релакс. М-м, как круто вчера оттянулись...

И как стремно сегодня!

Пипец, я встрял!

Может, подкинуть этого якобы "сына" кому или в торговом центре "случайно потерять"? Ага, неизвестно в чьи руки попадет, еще на органы сдадут... Бред. Надо найти все-таки его мать.

Я не знаю ни адреса Инны, ни телефона, ни фамилии. Я изначально не хотел заводить и не завожу долгосрочные отношения, поэтому никогда не интересуюсь личными данными временных пассий. А Инна, поди ж ты, адрес запомнила. Курица.

Неторопливо завтракаю. Матвей так и не пришел, несмотря на умопомрачительные запахи плавленого сыра и колбасы, ползущие по квартире. Только утолив голод, во мне просыпается совесть. Делаю еще два бутерброда, наливаю кружку чая с сахаром, несу их на подносе в гостиную.

Матвей все там же, все так же. Напрягается при виде меня, одни глазенки сверкают из угла его убежища.

Снова присаживаюсь. Ставлю поднос перед ним на пол.

– Матвей, я знаю, я тебе не нравлюсь. Скажу честно – ты мне тоже. Но так сложились обстоятельства, что твоя мама оставила тебя мне. Временно! – подчеркиваю. – И нам надо как-то теперь договариваться друг друга терпеть. Меня зовут Михаил. Можешь звать меня Мишей или дядей, как тебе хочется. Какая у тебя фамилия?

Молчит.

– Где живешь знаешь? Сколько тебе лет? Ты вообще раз-

говариваешь или только орать умеешь?

Молчит. Лупает глазенками испуганного зверька и молчит, а я опять теряю терпение.

– Не разговариваешь?

Чуть мотает головой в сторону. Губешки опасно дрожат.

– Не можешь или не хочешь?

Молчит. Сопит громче и что–то мне подсказывает, хочет зареветь.

– Не хочешь?

– Не можешь?

Отворачивается лицом к стене.

– Ну пипец! – не выдерживаю. Подскакиваю и делаю круг по гостиной, не желая принимать действительность. – Твоя мать совсем идиотка, что подкинула мне немого пацана?

Немой ребенок!

Глава 2. Михаил

Немой!

Капец просто!

Потому он не нужен кукушке? А мне зачем?! Что делать—то?

Я нешуточно начинаю паниковать. Меряю шагами одну комнату за другой, чтобы успокоиться и решить, что делать дальше.

Допустим (только допустим!), что биологический отец этого ребенка я.

Но!

Какой из меня отец? Где я и где дети? Да если бы он хоть разговаривал!

– Матвей, – делаю очередную попытку найти контакт с пацаном, – скажи мне что-нибудь. Скажи "дядя". Или "дай". Или "хочу воды". Это же не сложно. "Хо—чу во—ды".

Мне кажется, он одним взглядом зеленых, как у матери, глаз красноречиво посылает меня куда подальше. Я уже готов услышать это от него вслух. Но нет. Молчит.

А я опять нарезаю круги по квартире, ероша волосы двумя руками и теребя мятое лицо. Периодически из меня вырываются стоны отчаяния. Кто бы мог подумать, что всего лишь одна маленькая козявка может так здорово надавать по шее самому Медведю!

Мне нужна помощь. Перебираю в памяти всех своих знакомых. Посвящать в подробности появления "типа сына" лишних людей не хочу. Матвей у меня временно, а то потом объяснять еще куда он делся... Ну нафиг.

Мамаша рано или поздно объявится. Склоняюсь к мысли, что материнский инстинкт возьмет верх над эмоциями, и она с минуты на минуту вернется за сыном. А значит, сидим дома, ждем. Тем более, что кукушонок так и обосновался в шкафу. Понравилось ему там, что ли? Тоже мне, домовенок Кузя. Ну и пусть сидит.

А то, что у него мокрые штаны... Наверное ему и так комфортно...

И ведь даже сменки нет.

Черт. Еще одна головная боль – где взять сменку? Не, ну понятно, в магазине, но как ее выбрать, что именно? Я же в этом полный профан!

Ох, Инночка, как же я тебя ненавижу!

А заодно внезапно всех своих бывших, настоящих и будущих. Как же вы, бабы, любите мужикам жизнь усложнять!

Кстати, кажется, у Сереги есть младшая сестра, а сам дружок не из болтливых. Набираю. Пара гудков и абонент на связи.

– Живой? – первым делом спрашивает Серый. Судя по голосу, его головная боль после вчерашнего не мучает.

– Лучше б я сдох...

– Головушка бо-бо? – ржет в трубку.

– Если бы...

И замолкаю. Дурацкая ситуация, если озвучить.

– Миха? Ты чего? – беспокоится друг.

– Кхм, – прочищаю горло, а потом, набрав воздуха в легкие и зажмурившись, на одном дыхании выпаливаю другу события сегодняшнего утра.

– Ну дела–а... – тянет кореш. – Представляю заголовки газет: "Михаил Шведов – отец" и знак вопроса. Или...

– Хорош, Серый, – обрываю стеб. – Не до газет сейчас. Мне помощь нужна.

– И чем могу помочь я?

– Э–э, понимаешь, этот пацан... у него штаны мокрые...

– Ты хочешь, чтобы я их сменил? – хохочет. – Нет, брат, я чет не горю желанием, давай сам. Ты же типа Папа, – выделяет последнее слово и у меня от него зубы сводит.

– Вообще–то я хочу попросить, чтобы ты купил что нужно. Согласно возрасту ребенка... – кидаю взгляд на открытые дверки шкафчика. Сколько Матвею? Меньше пяти лет, если Инка не соврала насчет отцовства. Как раз я фирму регистрировал, а она новость сообщила. – У тебя же есть младшая сестра...

– Ага. И ей четырнадцать.

– Ё–маё, я помню ее маленькой...

– Я тоже не понимаю, когда она выросла. Такая малявка еще недавно была, а тут уже гопники какие–то рядом с Варькой тусуются, задолбался гонять. Но это лирика. Лан, шас

приеду, посмотрю хоть на сына самого Медведя.

– О, супер. Давай, жду! И это, Серый...

– А?

– Подгузники, что ли, купи.

– О–о, начинается: подгузники, слюнявчики, пинеточки, –

Сергея ржет. Будь он рядом, я бы его стукнул. Мне вот что–то не смешно. – Будешь должен.

– Без бэ.

После разговора с Сергеем настроение немного улучшилось. Вдвоем с другом что–нибудь придумаем.

У Матвея ничего не меняется, он на том же месте – в шкафу. Спустя два часа втихаря сыр с бутербродов съел, полкружки чая выпил. И все.

– А че колбасу не съел? Она вкусная. Я что попало не покупаю. Попробуй.

Отвернулся.

Скривил ему рожицу. Подумаешь, царь.

И я, как холоп, наклоняюсь за подносом и уношу его на кухню.

Сложив руки на груди, с тоской смотрю в кухонное окно на улицу. На яркое солнце, отражающееся в окнах высоток напротив, на зелень деревьев, под тенью которых гуляют люди... – там жизнь, там свобода и заботы только об удачных контрактах и с кем провести ночь...

За пацаном никто не возвращается, а мне уже надо что-то

делать. И для начала набираю начбеза.

– Степан, – перехожу сразу к делу. – Мне нужны видеозаписи всех камер в районе моего дома за последние три часа. Всех, да! Жду.

Так-то.

Вскоре приехал Серега. С порога торжественно вручил мне голубой пластиковый горшок.

– Это, – демонстративно тыкнул в его боковину пальцем, – вместо подгузников! С крышечкой!

Я закатил глаза. Серого хлебом не корми, дай постебаться.

– Очень смешно. Посмотрел бы я на тебя, окажись ты на моем месте.

– Чур меня, чур, – друг театрально замахал руками. – Я в отличие от некоторых знаю некоторые способы контрацепции.

Строю Серому кривую рожу, дарю локтем тычок в бок, а он, хохотнув и увернувшись, продолжает как ни в чем не бывало:

– Давай, иди знакомь с наследником, что ли.

– Похож.

– Не похож.

– Да похож, смотри какой взгляд. К тебе тоже страшно подойти, когда ты не в настроении.

– Пфф. Бред.

Мы сидим на корточках перед Матвеем минут десять. Раз-

глядываем его, а он нас с Серегой. Поначалу малой отвернулся к стенке, когда новый человек в гостиную зашел, а потом, когда мы заняли изучающие позиции, друг из кармана вытащил небольшую черную машинку и поставил ее перед Матвеем. И тот немного начал проявлять интерес. Сначала на Серегу косился, потом на игрушку.

Серый, заметив это, начал машинку катать по полу. Прямо, с поворотом, с виражами, заносами и кувырками в воздухе. Разошелся не на шутку. Я бы даже сказал, впал в детство.

– Вжжу–ух! Я Черная молния! – машина взмывает в воздух выше наших голов. – Бабах! – стремительно несется вниз, но резко тормозит перед столкновением с препятствием и плавно замирает на полу.

Серега играет с машинкой как ребенок и ржет также – громко, задорно. А за ним Матвей начал улыбаться тоже. Немного стеснительно, одними уголками губ, но улыбается! И где-то глубоко-глубоко, очень глубоко внутри, меня гложет обида. Почему с Серым у Матвея какой-никакой контакт есть, а ко мне игнор? Так-то я вроде как родной.

Несколько минут наблюдаю за другом, а потом отбираю у него автомобиль.

– Хочешь также? – протягиваю на ладони машинку мальчику.

Тот несмело кивает, хоть и снова хмурит светлые брови. Но в глазах неподдельный интерес к игрушке я заметил.

– Она твоя. Но! Ты вылезает из шкафа, и мы идем купаться.

С горем пополам мы с Сергеем Матвея искупали. Тот еще квест – мыть ребенка, когда он этого не хочет. Извивается червяком и орет во все горло до хрипоты. Но в четыре руки мы справились, хоть и вымокли сами с головы до ног. Я все пытался в его крике различить хоть какое-то подобие слов. Но увы, одно сплошно "А-а-а-а". Даже Серый удивился, что мальчик не разговаривает. И изрядно охренел, когда услышал, что ни одного слова пацан ни разу не сказал. Друг даже попытался разговорить гнома и тоже в ответ ничего.

В общем, с гигиеной кое-как мы разобрались. Всей душой надеюсь, что второй раз мыть ребенка не придется. И как оказалось, горшком (о счастье!) ребенок пользоваться умеет. Хоть один немаловажный вопрос решился.

Одежду малого благополучно постирали в машинке, на Матвея натянули мою футболку, обрезав ее понизу и зацепив прищепками излишки ткани. И слава богам, пацан перестал орать, а наши с другом уши расслабились и кайфуют в тишине. Нам даже разговаривать какое-то время не хочется – сил нет.

Всучили малому автомобиль и устало плюхнулись на диван, на который я предварительно накинул банное полотенце.

Сидим, наблюдаем, как Матвей, ползая по полу, пытается повторить Серегины виражи. Тихий спокойный ребенок, в меру чистый, он даже вызывает что-то подобие симпатии. Не такой уж он и страшный, когда не истерит. Может, понял, что никто его здесь обижать не собирается.

– И что делать с ним планируешь? – кивает Серый на Матвея, что в смешном балахоне с признаками бывшей брендовой вещи натирает коленками ламинат. – Оставишь или полиции сдашь?

– Да я думал... Сдам полиции, отправят его скорее всего в детский дом... Пока мать найдут, да и найдут ли... Внешность у нее обычная, а точных данных ее или каких-либо особых примет я не помню, не знаю. Волосы только длинные светлые, глаза зеленые. Обычная смазливая девчонка. Оставить Матвея у себя – так больше шансов, что Инка одумается и вернется за сыном. Эти пять лет были же у нее какие-то материнские инстинкты? Как думаешь?

– Наверное были...

– Пацан не заморыш, вполне себе щекастый. Но если честно, когда он истошно орет, я с трудом сдерживаюсь, чтобы самолично не отвезти его в ближайший детдом...

Матвей исподлобья бросает на меня настороженный взгляд. Будто я точно его сейчас отвезу в незнакомое место под страшным названием "детдом".

– ... Потом что-то щелкает во мне – жалко пацана – и так никому не нужен, а там тем более. Еще и немой.

– Это да... Так что сидишь? Разыскивай мать его сам, общих знакомых вспоминай!

– Уже. Служба безопасности ищет видео с ближайших камер. Надо хотя бы фотку его матери найти. А если она на машине приехала, то можно по номеру вычислить... Матвей, ты с мамой на машине ехал ко мне или на автобусе?

Матвей, не глядя в нашу с Серегой сторону, отполз за диван. Спрятался за углом.

– А-а, ты же спал... – вспоминаю его, спящего на плече матери.

– Да уж. Ситуация. Няньку ребенку найди хотя бы. Как ты с ним один на один останешься?

– Бабу? Сюда? Не-ет! Я сюда ни одну особь женского пола больше не пущу. Я их теперь всех за километр обходить буду. Как-нибудь сам с ним справлюсь. Я все же надеюсь, что мать его найдется в ближайшие сутки.

– Ну найдешь ее и что? Она его еще где-нибудь кому-нибудь оставит. А если она правду сказала и Матвей твой?

– Даже если мой, мне он зачем?

– Дурак ты, Медведь. Зато свой будет. Смотри, большой уже, понятливый. Ты знаешь, как он выглядит – здоровый, в меру упитанный ребенок. Подумаешь, не разговаривает, может, это временно. Все равно с ним договориться можно. А захочешь еще когда-нибудь детей...

– Ага! Щас! – возмущенно перебиваю Серого. – Да ни за что!

– Захочешь, захочешь, – Сергей убедительно покивал головой. – Лет в пятьдесят, но захочешь. Кому ты свою империю оставишь? Родни ведь нет.

Родни у меня, кроме маминой сестры, нет, тут Сергей прав. Тетка скоро на пенсию свалит и до моих пятидесяти вряд ли доживет. А из своей пока еще небольшой компании я действительно планирую развить огромный холдинг.

– ... Так вот, когда тебе будет пятьдесят, еще неизвестно, захотят ли бабы родить от тебя, старого пердуна. Ты же ровесницу не выберешь, а молодым погулять хочется. Еще и нагуляют тебе неизвестно от кого...

От слов друга меня разъедает кислотой. Но зерно здравого смысла в его словах тоже есть. Когда-нибудь, лет через двадцать я о наследнике все же задумаюсь...

– Не замечал в тебе раньше философских мыслей, Серый, – поддеваю друга, который еще вчера в клубе отплясывал со стриптизершей, а сегодня ведет такие рассудительные речи. – И что ты предлагаешь? Оставить Матвея себе?

– А почему нет? Твой же сын.

– Это еще доказать надо.

– Так и доказывай, пока матери нет. Мешать не будет. Спокойно лишишь ее родительских прав и усыновишь пацана. Надо – няньку ему найди, хочешь – двух, пускай воспитывают, а сам гуляй как прежде. Что изменится-то?

– Ладно, так далеко загадывать не будем. Если сегодня Инка не объявится, завтра съезжу с ним, – киваю назад, где за

спинкой дивана притаился Матвей, – в медицинский центр, сдадим анализы, а там посмотрим.

Поболтав еще немного, сделав пару виражей на автомобиле теперь уже Матвея, дружок мой свалил, пожелав мне терпения и удачных поисков пропавшей мамыши.

А мы с Матвеем остались один на один. На три дня.

Три дня ада.

Это пипец!

Столько уговоров я в жизни не использовал, сколько пытался договориться с маленьким ребенком. Зато я понял, почему не хотел собственных детей. Вот из-за этого всего – слез, крика, истерик.

Контакта у меня с малым так и нет, даже призрачного.

В первую ночь, не дождавшись мать, Матвей орет. Я все понимаю – я ему чужой человек, он в незнакомой чужой квартире. Он не младенец, что-то должен понимать, но! С ним договориться невозможно! Не слушает или не хочет слышать!

Уши отдыхают только во вторую ночь. И немного днем, когда ребенок устает и засыпает на пару часов.

Видимо, осознав, что матери ему не видать, большую часть времени парень орет или просто плачет, забившись в какой-нибудь угол или тот же шкаф. При этом путем не ест, не пьет, на контакт не идет. Если замолкает, то только для того, чтобы набрать в легкие воздуха и снова начать концерт.

Игрушки, заказанные по интернету и доставленные в этот же день, лежат сваленные в углу. Как и одежда, которую я с горем пополам выбрал тоже. Истеричный ребенок от всего отказывается, в том числе и от нормальной еды.

А я, не совладав с малышом, срываюсь на службу безопасности. За нерасторопность, недальновидность, тугодумность.

Начбез собрал несколько записей с разных камер, прислал мне на почту. Я ломал глаза, но под рев или всхлипы в соседней комнате смотрел, искал нужную мне девушку. Изображение везде нечеткое. Вот Инна идет в сторону моего подъезда с ребенком на руках. А вот почти бегом возвращается назад одна. Лица ее не видно, но почему-то мне кажется, что раскаяния на нем нет.

Таких Инн с полгорода можно найти. Именно это я и поручил Степану. Искать всех девушек с именем Инна, длинными светлыми волосами и похожей стройной фигурой. Фотографировать каждую и скидывать мне фотки. Степан кормит меня завтраками, уверяет, что ищет. Даже присылал пару фоток, но все не то!

Начбез под угрозами остаться без работы подключил весь свой штат. Пообещал к концу недели управиться и найти всех похожих Инн. А я клянусь себе, что найду ее – убью. И за свои нервы обидно, и за ребенка тоже.

Я с ним не справляюсь! Думаю прислушаться к совету друга и найти Матвею Мэри Поппинс. Вот только на работе требуется мое присутствие, а потому искать адреса и теле-

фоны агентств времени нет. И тетка, моя палочка–выручалочка на экстренные случаи, улетела в отпуск, значит, мне положиться не на кого.

– Матвей, мы едем на работу.

Будем совмещать отбор няnek для малого и бизнес.

Глава 3. Настя

– Звони, – Олеся двигает ко мне телефон.

– Не могу, – возвращаю его на место.

– Звони, говорю или я сама позвоню, – подруга угрожает, а потом все же смягчается: – Что ты ломаешься, Настька? За спрос не бьют в нос.

– Лесь, где я и где "МиКо"? Зачем им нужен сотрудник без опыта, тем более я?

– А вдруг это твой шанс, а ты его упускаешь? Да короче, щас все сделаем.

– Олеся, нет!

Я прячу телефон, прикрыв его двумя ладошками, чтобы Никольская не схватила и действительно не начала звонить сама, но у нее же есть свой мобильник. И не успеваю я моргнуть, как она тыкает тонким пальчиком с нежно-розовым маникюром по сенсорному экрану и нажимает на громкую связь.

Три длинных гудка, за которые я успеваю расслабиться и решить, что трубку не возьмут, и вдруг в белоснежной новенькой Олеськиной кухне раздается женское вежливое:

– Компания "МиКо", Мария Снегирева, слушаю вас.

– Здравствуйте, Мария, – деловым тоном приветствует Олеся, пока я с вытаращенными глазами, зажав ладошками рот, плююсь на нее. – Меня зовут Анастасия. Подскажите,

пожалуйста, вам еще требуется помощник директора?

Да-да, я только что листала сайт в поиске работы и наткнулась на объявление, где требовался помощник директора. Проговорила вслух, что было бы здорово попасть на работу в "МиКо", а Леська, недолго думая, решила мне "помочь". Сама бы я не осмелилась, не имея на руках диплома о законченной вышке.

– Одну минуту, – с той же вежливой интонацией звучит в трубке голос Марии Снегиревой, – переключу вас на отдел кадров.

Звучит незамысловатая музыка.

– Вот видишь, ничего страшного, а ты боялась.

– Ты зачем назвалась моим именем, бесстрашная моя? – отмираю я.

Ответить подружка не успела.

– Отдел кадров, – раздался усталый голос, как мне кажется, женщины в годах.

– Здравствуйте, меня зовут Анастасия, я звоню по поводу вакансии помощника директора.

– Завтра в 15.00 с документами, – буркнула женщина и положила трубку.

– Э–э... и все? – растеряно хлопаю ресницами.

– Не все, а всего–то! Зато, Анастасия Батьковна, у тебя завтра в три собеседование. Не благодари, – довольно потирает руки лиса, хитро сощуриив темно-синие глаза в обрамлении пушистых 3D ресниц.

Красивая у меня подруга, модная: губки чуть увеличены, скулы точеные, брови с татуажем. Куколка.

А Леська завидует мне, что природа позаботилась и наградила меня черными бровями с красивым изгибом, густыми длинными ресницами и естественно пухлыми губами. А волосы вообще отдельная история – черные, густые, идеально прямые и блестящие, как после ламинирования. Одна беда с ними – кудри совсем не держатся, какой бы сильной фиксацией не крепить их. Зато с такой внешностью, говорит подруга, не добавит, не убавит и на салоне красоте приличная экономия.

– Леська, ты что наделала? – ахаю.

– Работу тебе помогла найти, дорогая. А то скоро в киоск пойдешь торговать или вообще на рынок.

Подруга права. Предложений на рынке труда много, но то, что предлагается... Заочникам на эти деньги прожить можно, но не когда у тебя аренда квартиры и родственники на иждивении.

– Настюха, ты сорвешь джек-пот, если устроишься в "МиКо". Мечта, а не компания, – продолжает ликовать Олеся.

Меня же заранее накрывает паника. Подрываюсь и шагаю туда–сюда по просторной светлой кухне подружки:

– Завтра собеседование в "МиКо"! Как такое возможно, Олеся?

– Так я ж говорила. Позвонить не трудно. Включишь свою обаяшку и сядешь в кресло помощника самого, – Олеся под-

няла палец вверх, – директора. Отметим?

Леська подскакивает и устремляется в сторону кухонного гарнитура. Двигает меня в сторону со своего пути, хлопает шкафчиком и тут же на столе чудесным образом появляется бутылка элитного напитка с пятью звездами.

– Заначка папани, – поясняет Никольская. – Притащил на новоселье, а пить некому, вот и стоит, повод ждет.

– Ты что? – машу руками. – Нет! Я не буду, я не пью!

– Ха, я тоже, забыла?

В кружки с еще горячим чаем Олеська наливает по чайной ложечке крепкого напитка. Закупоривает бутылку и убирает туда же, где взяла – в шкафчик.

Падаем с ней на стулья.

– Ну, – поднимает она кружку, тянет к моей. Стукаемся. – За сбычу мечт!

Чай пьется отлично, вкус отменный. Завтрашнее собеседование уже не такое страшное, к тому же до него почти сутки, успею успокоиться, настроиться, собраться. И принять вполне вероятный провал с джек–потом.

– Ой, я представляю, – мечтательно закатывает глаза подруга, – возьмут тебя в "МиКо", принесешь первую зарплату и пойдем с тобой наряды выбирать. Я такой салон знаю, закачаешься...

– Ага, коммуналку заплачу за два месяца, долги отдам и на еду не останется...

– Вот умеешь ты в малину нагадить, Настька. Отправляй

Женьку на работу, пусть тоже о семье заботится. О, идея! Будешь работать в "МиКо", глядишь, и парня пристроишь туда.

– Я сама еще не устроилась, ты уже других пропихиваешь, – смеюсь.

– Устроишься. Я в тебя верю.

Никольской с работой париться не нужно было еще со школы. У ее родителей крупное агентство недвижимости и работает она в нем с первого курса. Сначала просто присматривалась, параллельно получая образование, изучала "кухню" изнутри, затем сама начала заключать сделки.

В данный момент Леськины родители готовятся открывать еще один офис для дочери, а Олеся пока обживаетеся в новой квартире, с на 80% готовым ремонтом. Остальные двадцать делаются прямо сейчас – в ванной комнате молодой человек укладывает кафель. Я видела его мельком и со спины – короткая стрижка, загорелая шея, и рабочий комбез синего цвета на голое мускулистое тело. Мигая Олеське, взглядом спросила кто это.

– Это Валера. Мне его порекомендовали как самого классного из всех кафельщиков, – заговорщическим голосом поведала мне Леська, не сводя голодного взгляда с мужской спины.

Попутно жестом подруга показала, что на мордашку и все остальное парень суперский. Я закатила глаза – подруга падкая на смазливых парней, не удивлюсь, если закрутит роман

с этим кафельщиком.

У нас с Никольской совсем разные взгляды на мужчин. Ей они нужны для удовольствия, тогда как я считаю, что если отношения – то все должно быть серьезно, а любить – так раз и на всю жизнь. Олеся над моими устаревшими тараканами посмеивается, но не перестает быть лучшей подругой.

Кстати, это Леська помогла нам с Женькой найти классную квартиру. Аренда недорогая, квартира чистенькая, в новостройке крутого района. Я в нее влюбилась, едва переступила порог. И до сих пор благодарна подруге за такую шикарную находку. Все-таки связи с риэлтером – это круто!

Никольская предлагала мне работать вместе с ней, осваивать рынок недвижимости. Описывала перспективы. Я честно пробовала, но быстро поняла, что не смогу. График ненормированный, могут вызвать и в девять, и в десять вечера – как удобно клиентам. Женя сразу выразил недовольство по этому поводу – одна я ездить боялась, а его дергать в качестве сопровождающего или охранника бесполезно. Он отказался сразу. Еще один жирный минус агента – мотаться по городу, показывая квартиры клиентам, не имея авто, очень сложно.

Ну и главная причина, почему я отказалась работать с Олесей – наша с ней дружба. Бизнес и личное связывать нельзя, рано или поздно отношения были бы испорчены.

У Леськи в гостях хорошо, но домой топать тоже надо.

Прощаюсь с подружкой и всю дорогу думаю о предстоящем собеседовании.

За последние несколько месяцев поисков работы о себе рассказывала столько раз, что ночью разбуди – оттараторю, не задумываясь. Давно отработала варианты ответов на любые вопросы, даже самые каверзные. Отрепетировала выражение лица, улыбку, походку и посадку. Олеся еще советует наряд каждый раз новый надевать, чтобы найти тот, который приносит удачу. Мы так делали в выпускном классе и первые два курса в институте – на все экзамены – счастливое платье, но сейчас то платье не подходит – морально устарело и отправилось в утиль. Так что ищем другой талисман. Из того, что имеется.

Передумав несколько вариантов, дома перемерив все, что нашлось в шкафу, я определилась с нарядом и в целом с образом. После полудня следующего дня, глуша нарастающий в груди мандраж и тремор в конечностях, собираюсь на то самое важное собеседование. В этот раз интуиция мне подсказывает, что грядут перемены. Надеюсь, они будут приятными и касаться исключительно работы.

Выбор пал на синий брючный костюм с белой блузкой, в дополнение к нему – туфли на невысоком каблуке. Волосы перекинула набок, на ресницы нанесла тушь, губы мазнула розовым блеском.

– Неплохо, – заключила, крутясь перед зеркалом, критически осматривая себя со всех сторон. – Чем не офисный

вид?

Фотаю себя в зеркале и отправляю Олесе.

"Ну как?"

Ответ приходит быстро. Подруга с телефоном не расстанется, а сейчас наверняка смотрит онлайн-курсы по визажу или выбирает шторы в интернет-магазине.

"Одобряю. Держу за тебя кулачки. Помни, первую твою зарплату мы спускаем на шопинг!"

Ага, как же. Еще не заработали, а уже тратим.

Снова придирчиво оглядываю себя со всех сторон.

– Здравствуйте, – приветствую отражение в зеркале деловым тоном. – Разрешите представиться. Анастасия Игоревна Малевская. Помощник генерального директора компании "МиКо".

И сдуваюсь. Какая из меня помощница? Опыта ноль! Но потом, глянув на свое отражение снова, набираю в легкие максимум воздуха, выпрямляю плечи:

– А все-таки лучшей помощницы вам не сыскать! Возьмете меня – не пожалеете!

Поворачиваюсь на каблуках на 180 градусов.

– Жень, как тебе?

Женя на секунду отрывается от монитора, где у него во всю идет битва. Взгляд расфокусирован, я для него просто синее пятно.

– Ага, супер.

– Ты даже не посмотрел, – выговариваю обиженно.

Подхожу ближе, ерошу ему волосы. Они у него тоже черные, но жесткие. Женька дергает головой – мешаю.

– Я посмотрел, – бурчит. – Говорю же – супер.

И снова весь там – в виртуальном мире.

Вздыхаю и оставляю Женьку в покое. Честно думала, что брат, поступив после девятого класса в колледж на программиста, будет заниматься исключительно программированием, тестированиями, прочей лабудой по профилю, а он днями и ночами играет в бродилки-стрелялки. На вопрос учат ли их в колледже чему интересному и учится ли он сам, Женька всегда уверенно отвечает "Да". И даже стипендию второй год получает повышенную за счет успеваемости. Как так у него получается, не пойму. Я лично его ежедневно вижу оторванным от реальности. Даже с девчонками не дружит.

Мы с Женькой похожи только чернотой волос. В остальном – я на покойного папу, он – на маму. Мама с нашей младшей сестрой живет в деревне у бабушки, а мы с братом в городе, куда приехали учиться после школы. Сначала я, через год – Женька. Помощи от родных мы не ждем, крутимся сами, еще и маме я стараюсь отправлять хоть немного денег. Доходы с одного огорода крохотные и сезонные, а бабушкиной пенсии на всех не хватает.

Поэтому я мечтаю найти хорошо оплачиваемую работу. Поэтому не даю сомнениям взять верх над неуверенностью и спешу на собеседование.

– Посуду помой, – кричу брату из коридора, слышу в ответ

невнятное "угу". Наверняка Женька даже не понял, о чем я его попросила.

Беру сумочку, папку с документами. Еще раз смотрюсь в зеркало у порога:

– Ну, удачи тебе, Анастасия Игоревна, ни пуха тебе, ни пера!

И ответив симпатичному отражению "к черту!", захлопываю за собой дверь.

На собеседование я пришла раньше назначенного времени и теперь тупо брожу мимо здания, периодически задирая голову, осматривая его до самой крыши. Солидное, массивное, с зеркальными окнами. Со стильной вывеской на весь фасад "Бизнес-центр" и перечнем обосновавшихся в нем компаний, среди которых та самая "МиКо", где меня, надеюсь, ждут.

В груди трепещет сердечко от мысли, что через несколько минут я войду внутрь этой махины, буду общаться там с людьми, которые в моем воображении похожи на богов. А если я буду здесь работать...

Поднимаю голову к небу.

– Я очень–очень–очень хочу здесь работать! – негромко, но от всей души загадываю желание.

Говорят, мысли материальны. Пусть это будет правдой! Отправляю самое сокровенное послание в космос.

Без пятнадцати три я решаю, что пора. Поднимаюсь по

ступенькам, толкаю массивную стеклянную дверь и переступаю порог.

Мамочки! Как же здесь круто! Много света, стены пестрят указателями, рекламными баннерами. В холле шумно, люди куда-то идут, несут какие-то папки, документы, что-то обсуждают. Деловые такие, красивые.

На входе пост охраны, и представительного вида мужчина в идеально сидящем черном костюме вежливо спрашивает меня куда иду, зачем, во сколько назначено и просит паспорт, данные которого заносит в журнал посетителей. Часть стойки у него в экранах, где, как в черно-белом кино, ходят туда-сюда сотрудники. Я насчитываю 12 изображений. Не маловато для такого здания?

– Лифт там, вам на пятый этаж, – отдает паспорт строгий мужчина, показывает рукой направление и вдруг улыбается: – желаю удачи, Анастасия Игоревна!

– Спасибо! Она мне не помешает, – благодарно улыбаюсь в ответ и иду в указанном направлении.

Следуя указателям и помощи охранника, компанию "Ми-Ко" я нахожу довольно быстро. Осталось дело за малым – найти отдел кадров, что я и делаю, шагая по широким коридорам пятого этажа, озираясь по сторонам, читая вывески на дверях. Здесь уютно. Вдоль стен с двух сторон стоят мягкие диванчики, ковровое покрытие лежит на полу, много цветов в кадках. Не офис, а жилой дом.

Информативный стенд указал, что отдел кадров в левом крыле здания. Тороплюсь туда – до 15.00 осталось семь минут.

Я успеваю.

На диванчиках сидят красивые девушки – по две на каждом. Друг с другом никто не разговаривает. Блондинки, брюнетки, рыженькая. Все модельной внешности, на высоких шпильках с яблочными телефонами в руках и почти осязаемой короной на голове. Отвлекаются на мгновение от экранов, реагируя на мое появление.

– О, еще одна, – шипит кто-то.

– Пфф. У нее нет шансов, – в ответ.

– Всем здравствуйте, – вежливо улыбаюсь, скользя взглядом по кукольному личику каждой девушки. – А где отдел кадров, не подскажете?

Одна крашенная блондинка жестом показала на дверь напротив и что-то начала бубнить в телефон, записывая голосовое сообщение.

– А вы все сюда, да? Кто последний?

Королевишны все, не сговариваясь, игнорируют мои вопросы.

Настроение стремительно падает. Глупо было надеяться, что я буду одна, и меня здесь ждут с распростертыми объятиями. Утешаю себя слабой надеждой, что, возможно, вакансия не единственная, а эти красавицы пришли, например, на отбор для съемки рекламного ролика.

Встаю у стены возле одного из диванчиков, от нечего делать пересчитываю девушек. Четырнадцать человек плюс я. Грустно.

В воздухе концентрируется тошнотворная смесь из духов. Душно.

Ровно в 15.00 дверь отдела кадров распахивается. Все модели как по команде подобрались, выпрямили спины, преобразили фэйсы в приветливые мордашки, готовые внимать каждому слову нанимающему сотруднику.

Молодая женщина с удлинённым каре и в элегантном платье-футляре насыщенного серого цвета окидывает взглядом всех собравшихся.

– Здравствуйте, девушки. Меня зовут Галина. Приготовьте, пожалуйста, ваше резюме.

Девушки подскочили с мест, зашуршали папками и с приторными улыбками потянули листы Галине, что медленно пошла вдоль диванов, собирая документы. Дошла до меня, забрала мой лист.

Данных в моем резюме не так много – личная информация заполнена, а вот на месте опыта работы и выполняемых функций – прочерк. И этот жирный минус может существенно подпортить впечатление...

Мой лист лег поверх остальных. Что ж, быстрее прочитают, быстрее уйду из этих слишком роскошных, уютных стен. Дома буду анализировать сегодняшний день, жалеть себя, скучать по крутой компании, в которой мне удалось пробить

аж надцать, плюс–минус десять, минут.

Галина скрылась в кабинете, девушки снова опустились на диваны, а в коридоре ничего не изменилось, кроме витающего в воздухе напряжения. Близок час икс. А может быть прозвучит дежурное "Мы вам позвоним" и на этом о "МиКо" можно забыть...

Еще восемь минут нервного ожидания, и дверь снова распахивается.

– Анастасия Игоревна Малевская, – разносится по этажу. Я? Меня зовут? Первой?

– Это я, – пишу и чуть ли не бегом срываюсь к Галине, в шоке задержав дыхание.

Четырнадцать пар ненавидящих глаз по обе стороны коридора готовы испепелить меня. Вот чего они, а? Их же тоже позовут.

В груди так громко колотится, отдавая канонадой в ушные перепонки, что не слышу голоса, только выхватываю среди лиц шевелящиеся губы. Девушки, словно гадюки, через одну что–то шипят в след. Сомневаюсь, что это пожелания удачи.

Галина с приветственной улыбкой пропускает меня вперед и закрывает за нами дверь, отрезая нас от разволновавшихся в коридоре змей.

В кабинете все строго. Черная мебель, состоящая из трех столов, несколько стульев и глухих шкафов; белые стены, жалюзи на больших окнах и только цветы в кадках и горшках разбавляют строгую геометрию веселой зеленью.

– Вам сюда. Присаживайтесь.

Галина указывает мне на стул, стоящий у боковины стола, за которым восседает полная женщина в очках с тонкой оправой. Короткие завитые волосы образуют симпатичную шапочку. Губы поджаты, отчего вокруг рта образовались многочисленные дорожки морщинок. Весь вид женщины говорит о том, что она устала от работы, людей и в принципе от жизни.

Почему–то мне кажется, Олеся с ней вчера говорила по телефону. И через несколько секунд моя догадка подтверждается.

Женщина наклоняет голову и внимательно разглядывает меня поверх очков, оценивает.

Глава 4. Настя

– Анастасия Игоревна Малевская, – женщина голосом из Олеськиного телефона зачитывает первую строку моего резюме и смотрит на меня поверх оправы.

Сажу с максимально прямой спиной, положив руки на колени. Прямые пальцы давят на поверхность бедер, скрывая нервный тремор в конечностях. Настя, Настя, ты через десяток собеседований прошла, закалиться должна, броней обрасти, с чего тебя так подкидывает?

– Да, это я, – улыбаюсь как можно искреннее.

Хочется вызвать ответную улыбку, чтобы морщинки разгладились. Уверена, с улыбкой эта женщина очень мила, красива и лет на десять моложе.

– На какую должность претендуете? – спрашивает строго.

– Помощник директора.

Снова получаю изучающий взгляд и задумчивое "Кхм". Так меня еще не собеседовали. Но и уровень компании другой.

– Опыт работы есть?

– Н–нет.

"В резюме же написано!"

– Образование?

– Два курса очного обучения, сейчас на заочном...

Голос теряет силу, как и весь мой боевой настрой. Глупо

было надеяться на эту вакансию. Без законченного образования сюда и уборщицей не возьмут.

– Муж, дети планируются?

– Нет, – увереннее.

– Ну-у, может быть... может быть... – женщина задумчиво постукивает по столу карандашом, не сводя с меня глаз.

Мое сердце, как в той песне, замирает...

– Когда можете приступить к работе?

Что? Меня берут? Меня?! Не рассмотрев другие кандидатуры?

– В любое время.

– Завтра?

– Да. Могу с завтрашнего дня.

Мое сердце снова пошло...

Все еще не верю в то, что слышу. Оглядываюсь на Галину за поддержкой и убедиться, что она слышит то же, что и я.

Галина за другим столом занята бумажками. До меня ей дела нет.

– Что делать нужно знаете?

– Нет...

Полная женщина тяжело вздыхает.

– Завтра утром вас встретят и все покажут. Сделайте копии документов, занесите мне до конца недели. Можете идти.

В голове крутится множество вопросов – от "Почему я?" до "А вдруг не потяну, не справлюсь?". Одергиваю себя.

Справлюсь! Я по жизни круглая отличница, я смогу!

И все равно сердце заходится от переполнивших грудную клетку счастья и неверия одновременно.

– До свидания, спасибо! – голос дрожит, хочется смеяться, плакать и кричать во всеуслышание: "Ура! Меня взяли! У меня есть работа!"

Быстро иду к двери, чтобы не проронить слезы радости и не услышать что-то типа "Извините, оказывается, вы нам не подходите, нам нужны стрессоустойчивые сотрудники" или "Прошу прощения, вышло недоразумение, мы вас перепутали с Мисс Опытная сотрудница с двумя высшими..."

За дверью меня встречает четырнадцать пар вопросительных глаз, и мое слишком красноречивое выражение отражается перекосом кукольных лиц остальных претенденток. Опускаю глаза в пол, закусываю губу, пряча радость, и тороплюсь уйти из душного коридора, пропитанного завистью и приторной смесью духов.

Слышу сзади голос Галины.

– Девушки, всем спасибо, вакансий больше нет.

И недовольный гул, прерываемый криками какой-то нервной Барби. Только мне это уже неинтересно, я вся живу в завтра.

Летающей походкой проходя мимо поста охраны, улыбаюсь до ушей мужчине в черном и не могу не поделиться радостью:

– Меня взяли! Завтра выхожу на работу!

– О, поздравляю, Анастасия Игоревна! – искренне радуется он в ответ. Надо же, запомнил, как меня зовут!

– Спасибо! – кручусь вокруг себя, машу ему рукой как родному человеку.

На улице прижимаю к груди папку с документами и сумочку, подставляю лицо солнышку.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Вселенная меня услышала! Теперь я точно знаю: мысли материальны!

Звоню Никольской.

– Леська, меня взяли! – визжу ей в трубку. – Представляешь, взяли в "МиКо"!

– Я так и знала, – спокойно реагирует подружка. Как будто она наперед рассмотрела мое будущее в кофейной гуще, например, или в картах Таро. – Дуй ко мне, отметим.

– Ага!

После Олеськи набираю Женьку. С третьего гудка слышу голос брата в трубке.

– Женька, меня взяли на работу! – и ему визжу.

– О, круто, пельмешек купишь?

– Куплю, но позже! Меня не теряй, я у Олеськи.

– Оки.

В трубке что–то бабахает, стреляет, Женька отключается. У него своя работа, правда, неоплачиваемая. Но даже это не понижает количество эндорфинов в моей крови.

И я вприпрыжку, с широченной улыбкой на лице, скачу

до остановки, ловя на себе удивленные взгляды прохожих.
"Ненормальная" – читаю в глазах у некоторых.
Еще какая! Счастливая!

Через сорок минут поездки на общественном транспорте и короткого забега в кондитерскую в Олеськином доме трясусь перед подружкой коробочкой с вишневыми круассанами:

– Гуляем!

– Прощай диета и осиная талия, – показательно вздыхает Никольская.

– Да здравствуют эндорфины счастья!

– Проходи давай, эндорфин.

Скидываю туфли и шлепаю за Олеськой на кухню.

У Никольской к моему приезду согрет чайник, приготовлены кружки, расписанные красными сердечками, в стеклянном пузатом заварнике распускаются листочки зеленого алтайского чая. В вазочке аппетитно переливается черно–лиловыми оттенками смородиновое варенье.

Из ванной доносятся звуки строительного миксера. Поднимаю бровь.

– Это все еще он, да?

– Ага. Валера. Сказал, работы еще на два дня. По–моему, я ему нравлюсь.

– Клеится?

– Клею я, – подружка показывает пальцем на себя и хитро прищуривается. – Но он пока держится. Уже начинаю подо-

зреть, что он гей. Но там такое тело... м-м-м. – Леська закатывает глаза. – Грех отпускать. Вот думаю, чем бы его еще озадачить.

– О, подруга, ты не исправима, – смеюсь. – А если он занят? И дети семеро по лавкам?

– Пфф, я ж для здоровья, не более.

Машу головой. Не понимаю.

– Так. А ты давай, рассказывай, как прошло собеседование. Тебя же сейчас разорвет от эмоций, если не поделишься.

Подруга разливает душистый чай. Не спрашивая, достает вчерашнюю бутылку янтарной жидкости и наливает по чайной ложке в кружки.

Я все это время на эмоциях рассказываю, как стояла в коридоре, ожидая своей очереди, как проходило собеседование, как услышала и не поверила, что меня берут.

– И что, прям так и сказали – завтра выходи?

– Да! Представляешь? Да! Без вопросов, без изучения документов. Словно пальцем в небо, точнее в первое попавшееся резюме, тыкнули и взяли меня. Но скажу честно, Олеся, – делаю важное лицо, – из всех кандидаток на должность помощника директора они выбрали правильного человека! Те пираньи, что пришли вместе со мной, явно хотели не работу получить, а кое-что другое.

– Или кого, ты хотела сказать?

– Я имела в виду статус! Типа "помощник директора", "личный секретарь генерального", "второй человек в круп-

ной компании"...

– Ага. Или подстилка шефа. Кто там директор–то?

– Я не знаю, – тарашу на подругу глаза.

Вот правда. Иду на работу, а сама не знаю к кому. Может, не зря именно меня взяли, не выбирая из всех, не беседуя толком, документы, указанные в скупом резюме, не проверяя на подлинность? Сама-то я тоже ничего не узнала, не спросила, даже не знаю, в чем мои обязанности будут заключаться. Ой, клуша-а!

Олеся берет телефон, снимает блокировку, что–то пишет в строке поиска.

– Так, директор "МиКо" Михаил Иванович Шведов. Хм, никакой личной информации – ни возраста, ни семейного положения. Странно, даже фоток нет. Одни статьи. Он, наверное, слишком уродлив для фотосъемки.

Забираю телефон у подруги, листаю те вкладки, что она нашла. Действительно, информация скупая.

– Слушай, Настька, – наклоняется вперед Леся, – а сфоткаешь его при случае? Так хочется посмотреть на этого загадочного мужчину, что скрывается от журналистов и народа.

– Думаешь, он специально скрывается?

– Не знаю. Но почему–то же нет фоток в соцсетях?

– Может у него принципы. Не дал разрешения на опубликование и все.

– Странные принципы. Совдеповские. Этому Шведову, наверное, лет под семьдесят. Знаешь, был у нас случай, при-

езжал к родичам какой-то дальний родственник из деревни. Дядя Володя. Человек он странный. Сколько у нас был в гостях, все время хаял современную политику.

"А вот в наше время... А при Сталине... а при Брежнев... а в Советском Союзе...". Это был какой-то кошмар. Как его родители терпели, не знаю. Но отец видео снимал как бы на память, а потом взял и в шутку ляпнул, что запись с высказываниями дяди Володи он покажет соответствующим органам. Ты бы видела этого дядьку! Бедный старик чуть инфаркт не схватил от страха, маман корвалолом его отпаивала. Отец потом клятвенно заверял его, что никуда ничего не отправит, даже запись удалил у него на глазах от греха подалее. Может и Шведов этот из того же поколения? Короче, – заключает Олеська, – жду фотки. Жуть как интересно мужчинку, – подруга поиграла бровями, – заценить.

– Олесь, ты же знаешь, нельзя пересылать чужие изображения без разрешения? Статья так-то.

– Ой, да знаю я это, – отмахнулась Олеся, – ты же только мне отправишь. Одним глазком на шефа твоего посмотреть.

– А вдруг они каким-то образом попадут в интернет? Я не говорю, что ты это сделаешь специально, просто всякое может случиться. Случайно не то нажать, не туда отправить... Так что извини, фотать я никого не буду.

– У-у, подруга, я же теперь спать не буду от любопытства. А представляешь, если этот Шведов окажется писанным красавчиком? Еще и холостым? А скрывается, потому

что боится атаки вот таких фиф, что ты видела? Не хочет стать жертвой охотницы за его сокровищами?

– Пфф, сказочница ты, Олеся.

– Я реалистка. Ладно, поняла я, что фоток не дождусь. Значит, загляну как–нибудь в гости, на обед вместе сходим. Это ведь можно?

– Наверное можно. Попробуем.

Из ванной выходит Валера. Кружка с чаем в моей руке останавливается на полпути до губ. Мы с Олесью зависаем, глядя на красавчика. А спереди он намного лучше, чем сзади. Темноглазый, мускулистый, мышцы так и играют под лямками того самого комбинезона. Понятно теперь, почему Леська его клеит.

– Хозяйка, – красавчик улыбается белозубо, глядя строго прямо – на Олесю, и даже бровью не повел в мою сторону, – пойдем чо покажу.

Леська заливается румянцем и смущается, как будто ей Валера предлагает посмотреть что–то неприличное. Подруга подскакивает и летит через всю кухню к кафельщику. Он пропускает ее вперед себя в ванную, заходит следом и запирает дверь.

Что они там делают, могу только фантазировать, но чувствую, что подруге сейчас не до меня. Хихикают там вдвоем.

Допиваю в два глотка чай, и, крикнув с порога "Пока–пока" убегаю из новой Леськиной квартиры. Не думаю, что меня слышали, поэтому на всякий случай хлопнула как сле-

дует дверью.

Чтобы не откладывать в долгий ящик, в первый же рабочий день я несу копии документов в отдел кадров. Знакомый коридор с пустыми диванчиками встречает тишиной. Стучусь в кабинет, заглядываю:

– Здравствуйте, можно?

– Проходи, привет! – машет головой Галина. Она сегодня в кабинете одна и не такая деловая как вчера при отборе. Улыбается приветливо, как старой знакомой.

– Я документы принесла. Точнее их копии.

– Ага, давай мне, я подошью. Присаживайся, – указывает на стул рядом с ее столом. – Настя, да? – Получает от меня утвердительный кивок. – Кофе будешь?

– Нет, спасибо, – сажусь, протягиваю документы. – Но буду благодарна, если вы мне расскажете что у вас тут и как.

– Слушай, давай на ты, в одной компании работаем, глупо выкать, – легко общается девушка.

– Давай. А ты сегодня одна? – быстро оглядываюсь.

Галина достает из выдвижного ящичка пустую папку, каждый мой листик ловко заправляет в мультифору и подкалывает в папку, попутно отвечая на мои вопросы.

– Наталья Андреевна в отпуске с сегодняшнего дня, так что я на три недели условно тоже в отпуске.

– Как это?

– Ну, слышала поговорку? В отпуск уехал один начальник,

а отдохнул весь коллектив.

– Оу, не слышала, здорово!

– А–а, ты же без опыта. Все с нуля.

– Это да, с нуля. Как слепой котенок тыкаюсь во все стороны тут у вас. Галя, – не терпится задать вопрос, мучающий меня со вчерашнего дня, – скажи, пожалуйста, почему меня взяли, а с другими даже не беседовали?

– Ха, да все просто. Приказ шефа.

Я выгибаю брови дугой.

– Не понимаю.

– Медведь Иванович...

– Кто?

– Шведов Михаил Иванович, главный наш, – терпеливо объясняет Галина, – его за глаза Медведем Ивановичем зовут. Характер у него... медвежий. Так вот, шеф дал приказ найти ему новую помощницу. А так как он был не в духе... Не знаю почему, то ли из–за скандала с предыдущей... – Галя показывает пальцами кавычки, – помощницей, то ли личное что с теткой, короче, велел он взять первую попавшуюся. Ну а моя, – Галя кивнула на место Натальи Андреевны, – так и сделала. Взяла из стопки первое резюме сверху, и приняли тебя. Считай, ты везунчик.

– А разве так можно?

– А почему нет? В точности выполнили указание сверху, придраться не к чему.

– На самом деле, – поддавшись вперед, Галя понизила го-

лос, – Наталья Андреевна – тетка Медведя. Уж не знаю, что у них там за семейные терки, но мне кажется, она специально ему такую подлянку сделала. В смысле, взяла ему неопытную помощницу. И по–тихому умотала в отпуск, чтобы он теперь локти кусал.

– Оу, – сижу в растерянности. – Нет слов. И что мне теперь делать?

– Да ничего особенного, – отмахивается. – Что директор скажет, то и делай. Да он так–то мужик нормальный. К нему только подход найти нужно.

– А из–за чего у него скандал был с предыдущей... – копирую кавычки, – помощницей?

– Никто точно не знает, но говорят, она его хотела на себе женить.

Почему–то воображение подкинуло картинку из дряхлого старичка и молодой девушки с ногами от ушей и личиком Барби. Она в белом платье, с фатой на голове, решительно тащит за руку упирающегося дедушку в здание с большой вывеской "ЗАГС".

– Там такая краля, – закатывает глаза Галя, – примерно как те, что ты видела вчера, – девушка кивнула на дверь. – Звезда. Если бы Медведь разрешил, она бы у него из–под стола не вылазила.

– Фу, – морщусь.

– Ага. Но он ей сначала вежливо отказывал, а потом... Говорят, она даже привороты какие-то делала, уборщица не

успевала всякую дрянь из кабинета вычищать. Медведь, когда узнал, такое ей устроил! Стены даже в нашем кабинете дрожали.

– Офигеть... А сколько вашему Медведю лет?

– Двадцать восемь недавно исполнилось.

Дед в картинке рассыпалась в прах. Вместо него нарисовался стройный симпатичный молодой человек с таким ужасом на лице от перспективы жениться, что его заранее стало жалко.

– Слушай, Гал, время уже десять утра, а вашего шефа все еще нет. У него особый график работы?

– Насть, что ты все заладила – "вашего–вашего"? – проворчала по–доброму Галя. – Уже "нашего" надо говорить. Он теперь и твой шеф тоже. Причем на–амного ближе, чем мы все остальные.

Девушка подмигивает, отчего, чувствую, щеки мои румянятся.

– Ладно–ладно, нашего. И все–таки, когда он приходит, уходит? Что любит, что ненавидит, раздражает?

– Так ты его не видела, что ли, еще?

Машу головой из стороны в сторону.

– Пришла к восьми, скоро обед, а его с утра не было.

– Странно. Хотя это Наталья Андреевна всегда в курсе его отсутствий, а пока ее нет, он и не докладывает никому. Может, тоже себе выходной устроил. Зато привыкнешь пока к рабочему месту, будешь знать где что лежит, где что

искать. Кстати, учти, Шведов любит зеленый чай, исключительно китайский. Твоя задача – научиться его правильно заваривать и подавать, а еще следить, чтобы запасы не заканчивались.

– А то что?

– Да особо ничего, но он та–ак посмотрит, что вагон чая купишь, лишь бы еще раз через это не проходить.

– Оу, что–то мне уже страшно, – нервно смеюсь. – Но спасибо, Галя, что сказала, пойду искать зеленый чай и изучать хитрости его заваривания.

Хотя Леська моя – тоже любительница зеленого, есть к кому за советом обратиться в случае чего.

Я бы еще поболтала с Галиной, тем более девушкой она оказалась приятной и общаться с ней мне понравилось. Но и оставлять надолго рабочее место, особенно в первый рабочий день, жест некрасивый. Может быть, пока я гуляю по другим отделам, директор пришел? И сейчас (ревет) ревет и мечет от того, что его новой помощницы нет на месте?

28 лет, Медведь Иванович с медвежьим характером, любитель зеленого чая и ни одной фотки в соцсетях...

К кому (в берлогу) в помощницы я попала?

Глава 5. Настя

– Ну как, чем сегодня занимаешься? – поддевает меня подруга.

Два дня как я работаю на новом месте. Два дня подряд изнываю от скуки и жалуюсь на безделье Олеське.

– С утра выпила две чашки кофе. Протерла пыль с монитора. Покаталась на кресле, покрутилась, сделала селфи, теперь читаю. А, чуть не забыла, – меняю тон вялый на тон деловой: – Сегодня я аж три раза отвечала на звонки.

– Оу! Чего хотели от помощника директора?

– Директора хотели, – вздыхаю.

– А ты?

– "Перезвоните позже», – коверкаю интонацию на противоположную.

Именно такой я сдержано отвечала на последний звонок, потому что мужик на том конце трубки конкретно взбесил, требуя срочно найти ему директора. А где я его найду, если я его в глаза не видела? И на телефон ни этому мужику, ни мне он не отвечает?

– Да ты крута, подруга, – ерничает Олеська. – Работа мечты. Ладно, жду себяшку и тебя на вкусняшку после работы.

Что-то странно шумит по ту сторону приемной.

– Э-э, Насть? Что там у вас происходит? – попутно раздается в трубке.

– Я перезвоню, Олесь.

Телефон внезапно вываливается из рук, но я не обращаю на него внимания, старательно напрягая слух и вытягиваясь за столом в струну.

Из коридора доносятся непонятные звуки: то ли женский, то ли детский плач, рычание дикого зверя, чьи-то крики. Я не знаю, что делать: бежать в коридор, вызывать охрану, скорую или МЧС, и только поднимаюсь с кресла, чтобы для начала хотя бы выглянуть и посмотреть, что там происходит, как дверь распахивается и в приемную вваливается...

Медведь, по-другому не скажешь.

С медвежонком на руках. Громко плачущим.

От габаритов мужчины просторная приемная генерального становится тесной, темной, душной.

Одного взгляда хватает понять, что этот гризлеподобный человек – мой начальник, Михаил Иванович Шведов.

Только сейчас он злой и страшный. Такой страшный и злой, что сбежать хочется. Но он своей мощной фигурой и ребенком на руках загородил все пути отступления, перекрыв собой выход, – уставился на меня прямо с порога. Шутка ли – первый раз увидел свою новую помощницу. Еще и малыш перестал орать и выпучил на меня свои глазенки, но вижу – вот-вот заревет снова. Надеюсь, не из-за меня – незнакомой девушки. Или отчего там еще дети плачут?

Машинально одергиваю юбку, поправляю воротничок блузки, приглаживаю волосы и задеваю дужку очков...

Ой, блин, у меня же на глазах очки–тренажеры! Они огромные, как блюда, черные, с перфорацией. Еще напугается ребенок. Я сама вздрагиваю, когда вижу себя в зеркале в них.

Нервным движением снимаю очки, они падают из рук на стол, громко брякнув, я их зачем–то снова беру в руки и кладу без грома.

"Пардон" – делаю извиняющееся лицо и улыбаюсь. Получается не очень – волнуюсь перед начальником, еще и появление его столь неординарное, что растерялась.

Не помню, поздоровалась с ним или нет. Еще раз поприветствовать? Скажет ненормальная какая–то. А если вообще не здоровалась? Тот же диагноз. Что же делать?

Растягиваю губы шире.

– Кофе?

Вот теперь точно во взгляде Шведова диагноз.

Блин, какой кофе? Он же по чаю!..

Закусываю нижнюю губу, чтобы не ляпнуть еще чего и тарашу глаза на директора. А он на меня. И мальчик тоже.

Мужчина крупный – широченные плечи, рост под два метра, морда, ой, простите, лицо по большей части спрятано за густой бородой, губы недовольно сжаты, цвет глаз не видно из–под насупленных бровей, волосы растрепаны и просятся к парикмахеру.

Малыш – полная противоположность отцу. Фактурой, конечно, в первую очередь, а главное – он светленький и очень

милый, хоть и зареванный. Зайчонок.

Ребенок все–таки заревел. Громко и похоже прямо в ухо папаше. Тот поморщился как от зубной боли и рывкнул громче сына. Да так, что я подпрыгнула на месте.

– За мной!

И шевелюрой лохматой махнул мне в сторону кабинета с табличкой "Директор Шведов М.И.", направляясь туда.

Пискнув "Сейчас", хватаю блокнот и ручку. Пальцы от волнения дрожат, заплетаются и не держат предметы. Они с грохотом валятся из рук на пол. Вовремя мужчина с ребенком скрылись за дверью, а то решили бы, что я та еще растяпа.

Подхватив предметы и зажав их крепко, чтобы избавиться от тремора в пальцах, иду в кабинет директора вместе со шлейфом вмиг распространившегося по офису аромата вкуснющего мужского одеколona. Только пока не до запахов. Тут другое важнее.

– Так, Настя, соберись, спокойнее, – бормочу себе под нос, опустив глаза в пол, чтобы не навернуться на ровном месте. – Только не запнись. Иди ровно. Помни, это всего лишь обычный медведь, тьфу ты, человек. Он не кусает...

Неожиданно упираюсь бедром в край директорского стола. Поднимаю глаза.

Медведь Иванович сидит в своем кресле. Напротив него попой на столе сидит ребенок и все так же орет прямо в лицо уставившемуся на меня как на диковинку отца. И откуда в

крохотном тельце малыша столько сил на крик и слезы? И почему отец не может успокоить ребенка?

Ладно, начнем с начала. Растягиваю губы в улыбку.

– Здравствуйте, меня зовут Настя, я ваша новая помощница...

Слова теряются в крике малыша. Медведь сильнее хмурится, превращая брови в одну сплошную линию. А взгляд у него... бр-р-р, словно расплющить хочет.

Не буду ему в глаза смотреть.

Открываю новенький блокнот на первой странице. Вот сейчас будет мое первое задание, и я его торжественно запишу и выполню. Шеф для этого же меня звал?

Прижимаю локти к бокам, чтобы руки не тряслись, а то подумает обо мне этот гризли невесть что. Приготовилась внимать и записывать.

Директор что-то начинает говорить, при этом безотрывно, практически не мигая, смотрит на меня из-под своих кустистых бровей. Говорит явно мне. А я не слышу его из-за крика ребенка. Уже и одним ухом повернусь к шефу, и другим. Злюсь на себя, что не могу даже приблизительно угадать, что мне нужно сделать. Морщусь недовольно. По инерции делаю шаги вперед, огибаю его стол – приближаюсь к директору, чтобы расслышать задание.

Сквозь рев прорываются слова "няня", "агентство", "цена", "два часа".

И что это значит?

– Простите, вы не могли бы повторить? – перекрикиваю ребенка.

Я почти вплотную подошла к массивному кожаному креслу директора. Уже запах кожи бьет в нос, смешиваясь с тем самым вкусным одеколоном, а медвежонок как специально кричит еще громче, не давая отцу внятно донести до меня задание.

– Да угомонись ты! – рявкает Медведь, одновременно с этим хлопая по столу ладонью.

Я отшатываюсь назад, а малыш испуганно замирает, изредка взмахивая длинными мокрыми ресницами.

– Да угомонись ты! – рявкает Медведь, одновременно с этим хлопая по столу ладонью. И как только поверхность не треснула. Зато на столе директора подпрыгнули канцтовары, ноутбук и папки.

Мы же с мальчиком вздрогнули всем телом. Ноги мои, кажется, вообще на долю секунды оторвались от пола, и малыша подбросило тоже.

На секунду медвежонок затих. Но только на секунду, а потом заорал пуще прежнего и теперь явно от испуга. И мне его жутко жаль и хочется укрыть от лап и рыка его неадекватного папаши.

Михаил Иванович в бешенстве вскочил со своего кресла, спрятал лицо за ладонями и заорал в них:

– А-а-а!

Псих! А еще директор! Нервы у него ни к черту еще и

ребенка до истерики довел. Шагает тут по кабинету своему туда–сюда и орет как ненормальный, а малыш может упасть со стола!

– Что вы делаете? – не выдерживаю я. – Вы почему кричите на ребенка?

Быстро приближаюсь к мальчику, обхватываю его двумя руками, прижимаю потную головенку к себе. Взмок бедный ребенок от крика!

Поглаживаю малыша по спинке.

– Тише, тише, маленький, не бойся, – не столько его, сколько себя успокаиваю. Сердце как у зайчишки скачет.

Мальчик не вырывается. Наоборот, доверительно льнет ко мне, будто нашел во мне свой щит. Крик становится тише и вскоре прекращается. Блузка намокает детскими слезками и слюнями.

– Вот умничка, успокаивайся. Сейчас водички попьем и плакать больше не будем, да?

Всхлипывает в ответ, устал кричать.

– Как ты его выключила? – басит медведь. От его рыка малыш опять напрягается.

– Я с ним просто разговариваю, а не ору как некоторые, – слова срываются быстрее, чем мозг посылает сигнал подумать кому, что, а главное, КАК я говорю.

Кручу головой по сторонам, ищу графин с водой, бутылку какую или хоть что–то, где может быть питьевая вода. На директора не смотрю. Насмотрелась уже, хватит. Знала бы,

что он такой неадекват, от работы отказалась бы, не раздумывая.

– Воды принесите. Пожалуйста.

В жизни бы не хватило мне смелости попросить у разъяренного мужчины воды. Но сейчас мне терять нечего, я нахожусь здесь, возможно, последние несколько минут, максимум час, так что могу себя вести так, как заслуживает этот зверь. Холодным, уничтожающим тоном я прошу у него воды для ЕГО же СЫНА!

Думаю, кому-то там, наверху, пора бы призадуматься, кому они раздают такое счастье – детей. Этому индивиду – я бы тысячу раз подумала. Таким не то, что детей, таких стерилизовать в зачатке надо!

Зверь, стоя посередине помещения, тарачит на нас с ребенком залитые негодованием глаза. Оказывается, они у него темно-синие, почти черные. Утренний солнечный свет хорошо освещает заросшее щетиной уставшее лицо Медведя Ивановича. М-да уж, так себе морда. А вдруг у него бешенство? Что там Галя говорила? Привороты ему делали? Что-то не то явно подсыпали. С Озверином перепутали.

Шведов, наконец, отмирает, в два широченных шага уходит из кабинета, хлопнув дверью. Малыш мелко вздрагивает, а мое сердце подпрыгивает от хлопка.

– У-у, медведь бесчувственный, – шиплю сквозь зубы и тут же ругаю себя, ведь мальчик может услышать и повторить...

– Ты как? Эй! – хочу поднять ладошками личико мальчика, заглянуть ему в заплаканные глазки, еще раз успокоить. Не дается. Наклонил вниз голову.

Сажусь в кресло его отца.

– Ой, ничего себе, как в перину провалилась, – восклицаю от неожиданного эффекта. Слишком мягко, невероятно удобно.

Почему-то вспомнилась сказка про Машу и трех медведей, где девочке понравилась кровать маленького Мишутки. Только тут кресло самого Медведя. Не складывается образ с предметами.

И пока моя попа ловит кайф, устраиваясь с комфортом на сидухе, мальчик заинтересовано поглядывает на меня исподлобья. Всхлипы становятся реже.

Выпрямляю спину. Так мы с малышом на одном уровне. Окольцовываю его бедра руками. Заглядываю в глаза, пытаюсь установить зрительный контакт.

– Давай знакомиться? Меня Настей зовут, а тебя? – улыбаюсь ему.

Молчит. Бровки хмурит, сопит, пальчики указательные друг с другом стыкует. Тихо всхлипывает.

– Можно?

Касаюсь подушечками пальцев мокрых щечек ребенка, стираю слезинки с нежной детской кожи.

– Вот так будет лучше. А плакать мы больше не будем, да?

Как будто вспоминает о плаче и всхлипывает.

– Какой ты красивый мальчик. А ты знаешь, что когда человек улыбается, он становится еще красивее? – растягиваю губы еще шире. – Ты умеешь улыбаться?

Мальчик крепко сжимает губы. Опять сопит.

– В другой раз улыбнешься мне, ладно?

Чуть заметно кивает и вздыхает плечиками. Глажу его по голове. Волосы – нежный шелк.

В приемной раздаются громкие шаги и дверь распахивается. Вваливается Михаил Иванович с бутылкой воды в лапшах и упаковкой пластиковых стаканчиков.

Недовольно морщится. Ах да, я же сижу в его царском кресле. Зато я успокоила его сына!

Бутылка приземляется рядом с нами.

Мальчик напрягается, как будто готовится снова закричать. Он явно боится своего гризли. Почему?

Глажу его мягкие пальчики своими.

– А вот и водичка. Сейчас будем пить.

Встаю с кресла. Подпираю ребенка своим телом, чтобы он ненароком не упал со стола.

Беру бутылку, чтобы открутить крышку, верчу в руках, читаю этикетку.

– Минеральная сильногазированная? – вскидываю брови на директора. – Ребенку?

– А что? – рычит.

Пожимаю плечами. Раз купил, значит можно.

Крышка не поддается. Пальцы до неприятного жжения

скользят по ребристому краю, силы не хватает вскрыть фабричную "пломбу".

– Дай сюда, – вырывает бутылку из рук.

М-да-а, манерам не учили...

Медведь без каких-либо эмоций на лице вырывает у меня бутылку, одним легким движением сворачивает крышку. Минералка громко пшикает в лапищах зверя. Пузырьки устремляются к горлышку, но встречают препятствие в виде крышки.

Отдает воду обратно.

– Видишь, малыш, какой сильный у тебя папа.

Это не комплимент для громилы. Это поддержание разговора с мальчиком, чтобы он забыл про рев.

Наливаю воду в стаканчик. Она шипит и пузырится. Лично я такую газированную пить сразу не могу, жду, когда пузырьки хлопнутся. Будет ли пить ее в таком виде ребенок, я не знаю. Но раз отец молчит...

С сомнением протягиваю стаканчик мальчику. Он берет его двумя руками, подносит к лицу, я придерживаю снизу для подстраховки. Пузырьки скачут в губы и в нос малышу, стакан отпихивается обратно мне в руки, едва не расплескивая жидкость. Сейчас опять будет крик.

– Щекочет тебя водичка, да? – щебечу перед мальчиком. –

А давай мы заставим пузырьки исчезнуть, давай?

Ребенок орать передумал. Заинтересовался, чем я его мо-

гу удивить и как уберу коварные пузырьки.

Опять шарю взглядом по кабинету в поиске ложечки, избегая смотреть на массивную фигуру в паре метров от меня. Ну конечно, откуда здесь, в логове зверя, взяться чайной ложке? Медведь, наверное, не знает, как ею пользоваться. Его еда – исключительно мясо на вертеле размером с барана или хряка. И ест он его руками, а не столовыми приборами.

– Что еще надо? – уже тише басит Михаил Иванович.

– Ложечку. У меня есть в тумбочке, в верхнем ящичке, – наконец встречаюсь с ним взглядом и строю просящие глазки. Все равно стоит, ничего не делает, пусть хоть за ложечкой сгоняет.

Шеф послушно идет в приемную и через минуту возвращается. Отдает мне ложечку, а сам усаживается напротив в кресло для посетителей.

– Она чистая, – на всякий случай говорю мужчине, помахивая ложкой в воздухе и переключаясь на ребенка. – Вот так, смотри, малыш, опускаем ложечку в водичку и... мешаем, мешаем, мешаем.

Опять сажусь в шикарное директорское кресло, чтобы быть с мальчиком на одном уровне. Попутно прячусь от тяжелого взгляда медведя за тельцем малыша.

Стучу ложкой о края пластика, заодно раскручиваю воронку. Мальчишка смотрит на пляски воды, приоткрыв рот.

– Ну-ка, попробуй теперь, будет щекотать?

Мальчик с готовностью берет стаканчик с жидкостью и

пробует пить. Опустошает наполовину.

– Ну вот, молодец. Не баловалась больше водичка?

Машет головой из стороны в сторону. Икает. Морщится.

– Невкусная?

Опять машет.

– В следующий раз проси сразу сладенькую, ладно? Тебя как зовут?

Молчит. Глаза в пол, точнее, на свои коленочки. Какие ресницы классные у ребенка – длинные, светлые, пушистые, хоть и слипшиеся.

– Матвеем его зовут, – отвечает за мальчика Михаил Иванович. Сидит как сыч в кресле напротив, наблюдает за нашим с малышом диалогом. Точнее, пока монологом. Пальцами по столу слегка постукивает.

Выглядываю из-за ребенка. Бросаю на директора неприязненный взгляд – не его спрашиваю, вообще–то.

– Матвей? – обращаюсь к малышу. – Красивое имя. А сколько тебе лет?

Матвей молчит. Опять стыкует указательные пальчики и смотрит на них, а не на меня.

– Он не разговаривает, – снова встречается его отец.

– Ты не хочешь со мной разговаривать? – игнорирую мужчину.

– Ой, совсем не разговаривает? – доходит до меня. Поднимаю шокирующий взгляд на Медведя.

– Совсем.

Несколько секунд смотрим друг другу в глаза.

Осознание, что маленький, такой симпатичный мальчик и не может сказать ни слова, колет каленым железом прямо в грудную клетку. Жаль до невозможности малыша, прям до слез. За что ему такое наказание? Еще и отец чурбан бесчувственный.

Моргаю часто—часто, разрывая наши гляделки с медведем, прячу накатившуюся мокроту за ресницами. Проглатываю ком в горле. Набрал полную грудь воздуха, улыбаюсь мальчику и говорю как можно бодрее:

— Матюша, у тебя игрушки есть? Машинки, например?

Машет отрицательно.

— Совсем ничего? Чем же ты будешь у папы на работе заниматься?

— Слышь, стрекоза. Я тебе задание дал? Дал. Иди выполняй. Мы найдем, чем заняться, да, Матвей?

А тон нельзя повежливее сделать? С ребенком можно и помягче общаться, кровиночка же. И с чего ради я стрекоза? А-а, из—за черных очков?

Ребенок напрягается. Похоже, перспектива остаться один на один с отцом его пугает и вот—вот он опять заплачет. Сжимаю его ручку, показываю тем самым, что я рядом и в обиду не дам.

— Э—э, Михаил Иванович, вы не могли бы повторить задание? Я не расслышала.

Невинно хлопаю ресницами и улыбаюсь.

Глава 6. Настя

Медведь закатил глаза, а потом и вовсе зажал переносицу пальцами. Я вдруг поняла, что мне не показалось. Он действительно невероятно устал. Может, потому и срывался на малыша? Но задание медведь все же повторил. Медленно, давая мне время записать:

– Позвони в агентство по найму, скажи, срочно нужна няня для мальчика четырех лет. Срочно – это в течение часа. До двенадцати, – Михаил Иванович смотрит на циферблат наручных часов, – нет, до двенадцати тридцати, я здесь, пусть пришлют несколько, чтобы я успел выбрать.

– А есть какие-то обязательные требования? Возраст, опыт, график работы?

– Нет требований. Мне нужно, чтобы мне не мешали на работе работать, а дома отдыхать от работы. Оплата... Посмотри среднюю по городу и удвой. Задача ясна?

– Ясна. То есть не совсем. Можно уточнить? Я правильно понимаю, вам няня нужна круглосуточная?

– В идеале да.

Ручка зависает над блокнотом. Кидаю на мужчину непонимающий взгляд.

То есть он своим сыном заниматься совсем не будет? Плюс возьмет в няни абы кого?

И даже не знаю, что лучше – ребенок с чужой теткой

без родительской любви и внимания. Или без няни, но с отцом—неадекватом.

– И с постоянным проживанием, – добавляет. – Надеюсь, недолгим.

И взгляд такой... Попробуй возрази.

Да уж малыш, повезло тебе с папаней.

– Он вообще ваш сын? – срывается с языка быстрее, чем я подумала о возможных последствиях. – То есть, конечно, ваш, вы ведь так похожи... – бормочу не пойми что и дописываю требование "постоянное проживание".

– Да? И чем же мы с ним похожи? – вздергивает бровь гризли.

– Орете одинаково.

Тонуть так тонуть. Что уж теперь. А перед глазами картинка из зоопарка, которую мне однажды пришлось наблюдать: медведь играючи кладет лапу на банку сгущенки и она, не издав ни звука, превращается в лепешку со сладкой лужей. Легко представляю себя на месте этой несчастной банки.

– М–м. И все? – как будто не удивился. – Значит, все равно тесты сдавать...

Какие тесты? Зачем?

– На отцовство.

Ой, я вслух спрашивала?

– Понятно.

Ничего не понятно, но спрашивать больше что–то не хо-

чется. И вообще лучше лишний раз молчать и вопросы не задавать. Пока речи о моем увольнении нет, значит, надо вести себя подобающе секретарю. Аха, я до сих пор сижу в кресле директора, а он передо мной. Классный я секретарь. Надолго ли?

Едва я хочу отойти от ребенка, чтобы идти на свое рабочее место и обзванивать агентства по найму, как Матвей начинает хныкать и вот-вот опять заголосит.

– Слушай, стрекоза, забери его с собой, а? – уставшим голосом вдруг просит директор. – Я не спал две ночи. Если он еще будет орать, я не выдержу.

Оказывается, разговаривать нормально этот человек умеет.

– Что я с ним буду делать, Михаил Иванович? – я растерялась. – Я не умею с чужими детьми общаться.

– Я тоже. Но с тобой он хотя бы молчит. Забери, а? Я тебе премию выпишу.

Премия конечно хорошо, но не такой ценой.

– Пойдешь со мной? – с сомнением спрашиваю Матюшу.

Чем мне его занять, если его даже отец развлечь не может?

И малыш, что удивительно, вдруг тянет ко мне руки. Поднимаю его за подмышки. Устраиваю попой на локте левой, правой держу за спинку. Страшно. Никогда не держала на руках медвежьих детей.

– Ого, какой ты легкий, Матюшка, как перышко! Тебя не кормят, что ли, совсем?

Мальчик стеснительно отворачивается мне за спину. Маленькая ручка держит меня за шею.

– Вы его кормили? – хмурясь, спрашиваю папашу.

– Я варил ему овсяную кашу, он съел пару ложек.

– И все? Он же голодный! Его сквозняком сдует!

– Я три дня выплясывал перед ним с бубнами! – с надрывом. – Курицу варил, яйца, картошку. Доставку из ресторана заказывал. Каши кое–как в него впихивал. По чуть–чуть совсем ест.

И что? Я должна пожалеть Медведя? Бедный, несчастный, с родным ребенком не справился? Это Матвейке с папаней не повезло.

– Слушай, – Медведь вытаскивает из внутреннего кармана пиджака портмоне, достает из отсека несколько тысячных купюр, кладет их перед собой на стол, двигая ко мне, – сходи в кафе, покорми его. Сдачу себе оставь.

– Что мне делать вперед – няню заказывать или ребенка кормить?

– А–а–а, что ты пристала, стрекоза? – Медведь рычит с отчаянием. – Видишь, я уже не соображаю ничего. Делай что хочешь!

Удивительно как ребенок с таким папашей до этого возраста дорос. И где его мать? Почему не занимается сыном? Как можно оставить такого чудесного мальчика на монстра–недоотца? Еще и "стрекоза" опять, вот зачем?

– Меня вообще–то Настей зовут.

"Да пофиг" – красноречиво говорит выражение лица Медведя и меня это невероятно бесит! Если бы не ребенок...

Одариваю хама презрительным взглядом.

– Пойдем со мной, Матвейка, будем вместе выкручиваться.

Показательно забираю одну купюру со стола. Накормить ребенка хватит, а больше нам и не надо.

В спину летит вздох облегчения.

– Ну и папка у тебя, – делюсь впечатлением с мальчиком. – Одно название.

– Я все слышу, – раздается сзади.

Да пофиг!

Усаживаю ребенка в приемной на диванчик для посетителей.

– Посиди тут пять минут, Матюш, ладно? Я позвоню в агентство, а потом мы с тобой пойдем вкусняшки кушать, ладно?

Кивает. Хорошо, хоть слышит маленький, а все равно жалко его. Глажу его по мягким пшеничным волосикам. У Михаила Ивановича волосы темные и сам он смуглый, а Матвей белобрысый. Наверное, в маму. Интересно, где же его мама? И почему Шведов сомневается в родстве с мальчиком? Настолько бесчувственный, что сердце не подсказывает? А как же зов крови?

– Найди мне эту курицу! – орет вдруг из кабинета директор. – За что я вам зарплату плачу?

По телефону говорит или мне кричит, под курицей имея в виду няню? Так я еще до телефона не успела дойти. Сажу перед мальчиком на корточках, пальчики его поглаживаю.

Мы с Матвеем замираем, прислушиваясь к разговору за дверью.

– Нет, не появлялась... Третий день уже идет.

Точно по телефону. И голос то тише, то громче – гризли меряет кабинет шагами туда–сюда.

– ... Да не знаю я где ее искать... Не помню я ФИО! – рывкает. – Зовут Инной. Отчества не знаю. Фамилия то ли Орлова, то ли Воронина, короче, птичья какая–то... Ага, Кукушкина ей больше идет, но нет.

– Твою маму зовут Инна? – тихо спрашиваю у Матвея. – Она потерялась?

Кивает. На глаза слезки наворачиваются.

– Ох... Ну не плачь, Матюш. Найдет папа твою маму. Скучаешь по ней?

Машет головой утвердительно, потом отрицательно. Как так?

– Лет сколько? – продолжает басить шеф в своем кабинете. – Двадцать четыре должно быть, может двадцать пять. Я что, в паспорт к ней заглядывал? Нет, фотографии ее у меня нет... Документов никаких не оставила. Вообще ничего, пацана только немного. Да, немного. Не разговаривает, орет

только. Ладно, это потом. Ищи пока мать его... Фоторобот? Завтра буду делать, няньку ребенку найти надо для начала. Я с ним по рукам и ногам связан, оставить не с кем. А тетка на острова умотала. Ага...

Голос стал тише и спокойнее. Медведь сбросил пар. Надолго ли?

– Не переживай, Матвейка. Найдется твоя мама. А мы с тобой давай поиграем в сказку?

Малыш смотрит на меня внимательно – интересно ему.

– Представь, что ты маленький зайчик и попал в волшебную страну. Здесь тебе все незнакомо: люди, обстановка. Тебе временно страшно. Но у тебя есть помощники – я и твой папа. Я буду доброй феей, а папа... так, кем у нас будет папа?

Хотелось бы его назвать злым Бармалеем или оборотнем, но это родной мальчику человек...

– А папа у нас будет заколдованным принцем с кусочком льда вместо сердца, а заодно – правителем волшебной страны. Наша с тобой задача – растопить этот лед. Знаешь, что нужно для этого сделать?

Матвей машет головой из стороны в сторону. Глаза широко распахнуты – увлекся сказкой.

– Для начала мы не будем обижаться на папу, когда он кричит. Хорошо? Он же заколдованный, не знает, как добрым быть.

Подумав, кивает.

– Отлично. Сейчас я сделаю несколько звонков и вызову

помощников. Папа выберет еще одну фею, чтобы она тебя охраняла и помогала дома, в его волшебном замке. Идет? А я за ним тут прослежу.

Кивает. Губы чуть-чуть дергаются в улыбке. Уф.

В порыве обнимаю мальчика и замираю.

Вот что взволновало меня с первых минут появления в офисе Шведова и его мальчика! Запах!

Он появился вместе с ними и прочно обосновался вокруг. Мягкое сочетание мяты, ромашки, сандала, капелька цитруса и, кажется, бергамота. Необыкновенный аромат, непохожий ни на какие другие, встречающиеся мне ранее. Крутой аромат. Дорогой. Мужской. Идеальный. За которым не глядя...

И этот запах исходит от Матвея, будто кто специально побрызгал его сказочно вкусной туалетной водой.

Втягиваю носом воздух рядом с малышом. Голова приятно кружится.

– Боже, Матвей, как ты вкусно пахнешь! Я балдею от этого запаха!

Улыбается малыш, ноздрями шевелит, принюхивается. Ему, наверное, тоже нравится.

Стоп!

Эта же запах Медведя!

Мне не должно нравиться! Самый отталкивающий тип мужчин из всех, что встречался в моей жизни, а мне еще и работать с таким.

Но я Матвейку еще чуть–чуть понюхаю и все...

Блин, задание! А я тут дегустацию устроила.

Быстро ищу в интернете номер агентства по найму, смотрю расценки, звоню, прошу прислать через час всех имеющихся нянь, согласных на круглосуточное наблюдение за ребенком. Оплата? Высокая, все остальное при личной встрече с заказчиком. Называю адрес компании и с чувством выполненного долга веду Матвея в кафе на первом этаже.

Может и не уволит меня его папаша, я же пока справляюсь с заданиями? И я пока останусь, чего уж сбегать при первой трудности, да? Где я найду еще такую зарплату? Хотя понимаю теперь, что половина ее точно за вредность директора платится...

Матвей превратился в обычного любопытного ребенка – вертит во все стороны головенкой, круглые глазки таращит удивленно, а сам за руку меня держит крепко маленькими пальчиками.

В кафе народу мало – время обеда еще не подошло, а потому очереди на кассе нет.

Так. Чем покормить ребенка?

Беру мальчика на руки. И снова это легкое головокружение от запаха...

– Матвей, давай ты сам выберешь, что хочешь покушать? Смотри, есть лапша с курицей, будешь?

Мотает головой.

– Нет? Борщ? Тоже нет. Ладно, давай из второго что–нибудь посмотрим. Пюре с котлетой? С рыбой? Плов? Что же едят маленькие зайчики?

Матвей от всего отказывается, и я начинаю верить Шведову, что накормить ребенка ему было действительно трудно.

Во мне зарождается паника. На все мои предложения еды ребенок мотает головой.

– Хороший мой, ты кушать хочешь?

Кивает. Хочет.

– Матвей, – с отчаянием прошу, – помоги доброй фее. Ей очень–очень нужно покормить зайчика. Что кушают маленькие зайки?

Пальчиком показывает в сторону боковой витрины. Там стоят несколько видов салатов. И я чувствую облегчение. Лучше салат, чем совсем ничего.

– Салатик хочешь? Окей, давай салатик, только сам выбери какой нравится, ладно?

Матюша тыкает в самый красочный – цезарь с курицей. Беру ему еще два кусочка хлеба, сладкий чай, шарлотку.

Садимся за свободный столик. Фотографирую блюда, что мы с Матюхой выбрали, на случай если у его отца будут вопросы или сомнения. Пару раз щелкаю и самого ребенка. Зачем? Не знаю. Просто хочется иметь фотографии мальчика, со знакомства с которым начался мой первый, такой необычный трудовой опыт.

– Смотри, какой ты классный, – показываю кадры Матвею. Улыбается, нравится.

Стелю ему на коленки салфетку, чтобы ненароком не замарался.

– Приятного аппетита, зайчик!

И за столом между тем происходит чудо – ребенок ест! Причем, с аппетитом наяривает листья салата, кусочки помидора на вилку нанизывает, в рот отправляет, хлебом прикусывает. Все по–взрослому.

– Вкусно?

Жмурится от удовольствия. А я испытываю эгоистичное удовлетворение – Медведь не смог накормить сына, а я смогла. Хотя может это потому, что ребенок слишком голодный?

Фотографирую его еще раз.

– Курочку ешь, ты чего ее отодвинул на самый краешек?

Мотает головой – не хочет.

– Ладно, ешь, что нравится.

От шарлотки Матвей отказался, пришлось забрать ее с собой. День длинный, потом съест.

Возвращаемся в офис, в холле перед приемной толпятся девушки и женщины. Всего человек двадцать. Возраст разный, степень ухоженности – тоже. Кто–то в мини–юбке с ногами от ушей, кто–то наоборот, во всем строгом. Типичные няни с разными целями.

– Видишь, Матюша, – беру его на руки, а то, не дай бог, затопчут маленького, – сколько помощниц нам прислали из

агентства? Папе надо будет выбрать.

– Разрешите пройти? – протискиваемся с ним между де-
вушек под их недовольное шипение.

– Девушка, вы куда прете? Встаньте в очередь, – не вы-
держала одна белобрысая фифа с ярко-красной помадой на
губах.

Проигнорировать хамку? А если она также будет себя ве-
сти с малышом?

– А вы не видите, что я с ребенком? Это ему вообще–то
сейчас его отец будет няню выбирать.

Фифа сразу поменяла выражение лица на виновато–заис-
кивающее.

– Ой, а я подумала, вы со своим малышом пришли.

М-да–а, очень умные нынче няни.

Добираюсь до двери, разворачиваюсь к кандидаткам.

– Добрый день. Вы все от агентства на должность няни,
верно?

Девушки загалдели "Верно".

– Ждите, – окидываю всех важным взглядом, и мы с Мат-
веем скрываемся в приемной.

В приемной тихо и в кабинете директора тоже. Стучу два
раза, открываю дверь.

– Михаил Иванович, там няни...

Замираю на пороге.

Гора Иванович спит, скрючившись на своем королевском

кресле. Голову склонил на плечо, руки переплетены на груди. Глаза бровями прикрыл. Сопит.

Разбудить? Вроде он говорил, что времени в обрез. А с другой стороны, пусть спит, для здоровья полезно.

"В чем сила, брат?"

Во сне, брат.

И у того ее больше, кто спит дольше"

Закрываю дверь.

– Спит твой папка, Матвейка. Уморил ты его, да?

Малыш и сам медленно моргает.

– Маленький, и тебе спать хочется? Устроим тихий час? Давай я тебе сказку расскажу.

Убираю звук на своем телефоне, рабочий отключаю, чтобы не мешал. Мы с Матвеем располагаемся на диванчике.

– Так, чтобы нам почитать? О, как насчет детских стишков? – молчит. – Поняла, молчание – знак согласия.

Выбираю в телефоне стихотворение с картинками. Начинаю читать с выражением и разной интонацией.

"У меня зазвонил телефон.

– Кто говорит?"

– Слон..."

Через несколько минут и Матвей мерно посапывает у меня под боком. Такой хорошенький малыш. Залюбовалась им. Реснички длинные светлые, нос кнопкой, щечки кукольные. Лапочка. Тискать такого ребенка нужно, баловать, играть с ним. И держать подальше от зверей.

Осторожно встаю с дивана, укрываю Матвея своим пиджаком. Выхожу в холл. Девушек стало на парочку меньше, а может, мне так показалось. Но ждать они устали, глаза вон какие недобрые. Набросились на меня с вопросами, когда начнется собеседование.

– Тише, пожалуйста, – усмиряю разбушевавшихся. – Царевич спит. – Окидываю всех внимательным взглядом. – И это один из пунктов проверки будущей няни. Ждите.

Разворачиваюсь и ухожу в приемную под отвалившиеся челюсти соискательниц. Ну а что? Кто говорил, что будет легко?

Глава 7. Михаил

Недоразумение какое-то, а не помощница. Тошная, дерзкая, а глазищи... Очки еще эти... Одним словом стрекоза. А по гонору – самка дикобраза. Колючки метровые, так бы и воткнула. И в кого! В меня! Своего начальника! Никакой субординации и страха.

В груди клокочет возмущение. Как она на меня зашипела, что я на сына кричу. А как на него не кричать, если достал? Не понимает ничего и сказать не может что ему надо! Я ведь по дороге в офис чуть не высадил его, ей-богу!

Ну да, каюсь, вспылел, переборщил с децибелами, но...

Не мое это – дети. Не. Мо-е.

А стрекоза: "Орете одинаково". Ага. Лучше бы другое какое сходство нашла.

Вот же пигалица! Мелкая, худая. Куда тетка смотрела? Ведь знает, каких я предпочитаю. Чтобы ножки – вах, попа – орех, талия узкая, грудь... м-м-м, яблочки не меньше трюфели. Ну и на личико – модель. Да. И покладистая такая... на все согласная...

Встряховаю головой. О чем я думаю? Какие бабы после визита Инки и ее "подарочка"?

А вот такие, как эта новенькая. Чтобы мысли точно о работе были, а не о бабах.

Но надо признать, к ребенку стрекоза подход нашла, успо-

коила. А может, он в ней увидел близкого по росту и возрасту? Да хоть кого, лишь бы не орал.

Проводив за дверь стрекозу с Матвеем, не верю своему кратковременному счастью. Впервые за три дня не только уши отдыхают, но и я сам. Как будто с меня сняли чугунные цепи. Надолго ли? Как люди вообще с детьми живут? Постоянно? Круглосуточно? А если их несколько?

Не понимаю!

А еще больше я не понимаю, как теперь жить не только с ребенком, но и его няней – посторонней бабой? На работе ночевать? Так себе идея. Отправить ее к ней домой с Матвеем или квартиру им снять? Э–э, нет, это точно бред.

Надо как можно быстрее сбросить этот ненужный балласт. Надолго меня не хватит.

Набираю Степана – начальника службы безопасности.

– Есть новости? – начинаю без предисловий.

– Ищем. Пока глухо.

На кой ляд мне такая служба безопасности, что за три дня человека найти не может? Срываюсь и ору в трубку чуть ли не матом:

– Найди мне эту курицу! За что я вам зарплату плачу?

Меряю кабинет шагами туда–сюда. Бесит эта затяжная эпопея с поисками какой–то бабы.

– Михаил Иванович, нам бы зацепку, где ее искать...

– Да не знаю я где ее искать! – рявкаю.

– Не приходила? Мать все–таки, инстинкты...

– Нет, не появлялась. Третий день уже идет.

– Мы просмотрели записи с видеокамер, картинка размытая, изображение не четкое. Нам бы побольше информации. ФИО, адрес, особые приметы.

– Да не помню я ФИО! Зовут Инной. Отчества не знаю. Фамилия то ли Орлова, то ли Воронина, короче, птичья какая–то.

– Кукушкина?

Остряк, блин.

Степан задает еще несколько уточняющих вопросов, но я практически ничем помочь ему не могу. Инка – одна из немногих девок, с которыми я встречался от силы месяц, и это был прогресс в отношениях. Остальные были, мягко говоря, одноразовыми. Меня устраивало, их тоже.

Потому и ничего примечательного вспомнить о матери Матвея не могу. Да и времени сколько прошло, странно, что вообще ее вспомнил. После нее в моей постели было столько баб, что и не сосчитать, не вспомнить.

Кстати, из приемной не доносится ни звука. Открываю дверь – пусто. Видимо, моя секретарша увела ребенка в кафешку.

Вот интересно. Почему малой заткнулся только с этой непойми–что–за–экспонат по имени Настя? Что в ней такого, какие слова нашла для него?

Если Матвей действительно мой сын, то чего он орет со мной? Почему не чувствует кровную связь? Был у меня порыв сдать анализы на родство и пропал. Зачем? Что это изменит? Сын, не сын, какая разница? Не хочу я детей. Не хочу этого пацана. Верните мне мою спокойную разгульную холостяцкую жизнь! Где не будет круглосуточных криков и выноса мозга.

Кстати. Надо воспользоваться тишиной и позвонить Андреюхе. Как я про него забыл? Он же сразу после института пошел работать в частное сыскное агентство. Команда из знакомых ребят в полиции и собственной службы безопасности уже ищут мамашу ребенка, но пока глухо. А у Андрея возможностей может быть побольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.